

романтический триллер
фиктивный брак

T9

Агент T9.
МЕНЯ
нельзя убить

Ляля Либерман

18+

Ляля Либерман

Фиктивный брак. Агент Т9. Меня нельзя убить

<https://litres.ru/74088226>

SelfPub; 2026

Аннотация

Она хотела написать: «Меня нельзя любить». Т9 отправил: «Меня нельзя убить». Её босс решил, что она шпионка. Взял и женился на ней. Фиктивно. А потом началась настоящая охота. Или любовь. Или одно из двух.

Ли́ка — девушка, которую преследует автозамена в телефоне. Марк — мужчина, который преследует её по собственной инициативе. Вместе они ищут убийц, разыгрывают фиктивный брак и многое-многое другое. Понимают, что притворяться больше не нужно. И расстаются. Или нет. Или одно из двух. Очень смешно, немного грустно, совсем чуть-чуть опасно и бесконечно нежно.

P.S. Т9 не несёт ответственности за ваши сердечные приступы от смеха и нежности. Иногда — он главный сводник. И тот еще гад.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	23
Глава 3	48
Глава 4	75
Глава 5	96

Ляля Либерман

Фиктивный брак. Агент

Т9. Меня нельзя убить

Глава 1

Лика Соболева сидела на кухне в своей съёмной квартире и пыталась составить резюме. Так, чтобы в нём не было видно главного. Она отчаянно нуждалась в работе, деньгах и маленьком чуде размером с зарплату. За первый месяц. Хотя бы.

Квартира была «уютной», как такие называют риелторы с крепкой нервной системой. Одна комната, кухня на полтора человека, обои цвета старого печенья. Шкаф, который скрипел даже от взгляда. Батарея, решившая, что отопительный сезон — это философская концепция, а не обязанность. За окном темнело. Окраина города жила своей обычной вечерней жизнью. Где-то хлопали подъездные двери, ругался пьяный мужчина. Ребёнок плакал навзрыд, будто уже понял устройство взрослого мира. На столе горела настольная лампа, ноутбук светил пустым документом, а рядом лежал телефон.

Телефон Лика не любила.

То есть, конечно, любила. Он был её связью с мамой, вакансии через него открывались быстрее, чем на старом ноутбуке. Да и будильник в нём громкий, настойчивый. Почти коллектор. Но в телефоне жил Т9. А Т9 был не функцией. Отнюдь! Т9 был личностью. Пакостной, непредсказуемой и, как подозревала Лика, влюблённой в хаос.

Он портил всё.

Стоило ей написать «спасибо», он предлагал вариант «спаси ты бог». Стоило написать «буду через десять минут», он превращал это в «была через десять мужей». Однажды Лика отправила начальнице: «Отчёт готов, сейчас принесу». А ушло: «Отчёт сдох, сейчас разнесу». Начальница тогда долго смотрела на неё поверх очков. Высказала, что бухгалтерия — не место для творческого самовыражения.

После того случая Лику вежливо попросили «поискать себя». В другом, менее нервном, месте. Она искала уже второй месяц. Пока находила только просрочки, макароны по акции и вакансии, в которых жирным шрифтом значилось: «внимательность», «грамотность», «аккуратность». И самое любимое «стрессоустойчивость».

Лика вздохнула и посмотрела в раздел «О себе». Выглядел откровенно издевательски. Белое поле требовало уверенности, достижений и карьерных амбиций. На сегодня у неё из достижений было только то, что не расплакалась в магазине. А кассир спросила всего-то, нужен ли пакет. Она набрала: «Ответственная, быстро обучаюсь, стрессоустойчи-

вая (бог уже с ними)». Потом посмотрела на длинное слово и честно стёрла. Вчера она испугалась собственного отражения в неосвещенном окне. Волосы в пучке легли так, будто за ней стоял человек.

Мужских голосов за спиной она боялась не меньше. Негативный опыт, знаете ли. Громких шагов — тоже. Резких движений, хлопнувших дверей, внезапных звонков со странных номеров. После Артёма тело жило отдельно от головы. Давно объяснила себе сама, что она ушла. Он в прошлом. Она в другой квартире, районе, под чужим небом и даже с новым номером телефона. А тело всё равно вздрагивало, когда соседи сверху роняли что-то тяжёлое. Тело не признавало умных статей о восстановлении и релаксации. Оно помнило.

Телефон завибрировал. Лица вздрогнула так, что чуть не задела локтем кружку. На экране высветилось: «Мама».

Голосовое.

Лица сразу поняла, что хороших новостей не будет. У мамы была особая интонация для плохих новостей. Всегда мягкая, виноватая. Точно она лично подвела весь организм, а теперь ещё и мешает дочери жить.

— Ликусь, ты только не переживай, — произнесла Татьяна Васильевна с той самой интонацией, от которой у Лики внутри всё сжалось в маленький холодный комочек. — Я сегодня была у врача. Он сказал, что лучше бы не тянуть. Анализы опять не очень. Но ты не волнуйся, я записалась ещё к одному специалисту. Может, всё обойдётся. Без вмешатель-

ства.

Ли́ка закрыла глаза. «Может, обойдётся». На мамином языке означало: «Не обойдётся, но мы не будем расстраиваться». Мама всю жизнь так говорила. Когда отец ушёл, сказала: «Он просто устал». Когда денег не хватало, говорила: «Зато гречка полезная». У неё впервые прихватило почки, а она сказала: «Возраст, доченька, что ты хочешь». А теперь говорила про операцию, будто это что-то вроде замены пуговицы на пальто. Незаметной и не обязательной пуговицы.

Голосовое продолжалось:

— Ты там сама, как? Ела? Работу ищешь? Ты у меня умница, Ликусь. Просто тебе пока не попадались нормальные люди. Но попадутся. Главное, не опускай руки.

Ли́ка посмотрела на свои руки. На тонкие замёрзшие пальцы, не спасали даже шерстяные носки и старый свитер. Маленький порез возле ногтя. Дешёвый крем рядом с ноутбуком. Руки многое умели. Они держались за поручень в переполненном автобусе, пересчитывали последние деньги, стирали слёзы так, чтобы тушь не размазалась. А то слишком трагично. Но аккуратно жить они не умели. Всё роняли, путали, ломали — кроме, почему-то, её самой. Не сломали до конца. Не удавалось найти слабое место.

Она взяла телефон и начала писать: «Мамочка, поняла. Правда. Всё будет хорошо».

Т9 проснулся мгновенно. Как будто только этого и ждал. «Мамочка, кредит взяла. Правда. Всё будет хорошо».

Ли́ка уставилась на экран.

— Кредит? — тихо спросила она. — Она с ума сойдет.

Стёрла фразу и набрала снова: «Я найду работу».

Т9 предложил, явно коварно усмехаясь: «Работоторговля работает».

— Великолепно, — зарычала Ли́ка. — Из бедности сразу в уголовный кодекс. Карьерный рост.

Телефон лежал в её руке невинно, как кот. Только что сбросивший вазу и сделавший вид, что это гравитация виновата. Ли́ка набрала коротко, почти без риска: «Мам, я рядом. Всё решим. Люблю». Проверила каждое слово, потом ещё раз, затем третий. С Т9 нельзя было расслабляться даже на слове «мам». Только после этого отправила.

Сообщение ушло нормально. Маленькая победа. Настолько маленькая, что её можно было завернуть в чек из аптеки и положить в пустой кошелёк. На долгую память.

Ли́ка вернулась к резюме. Ей нужно было написать что-то про опыт работы. Официантка — три месяца, до случая с подносом и мужчиной в белом костюме. Зато он сразу нашел необходимый колор для своей студии. Администратор — полгода, до того, как она перепутала даты записи и отправила двух клиентов на один массажный стол. Зато они потом поженились! Помощник бухгалтера — месяц и двенадцать дней, до «сдохшего отчёта». Всё это выглядело не как трудовой путь, а как серия диверсий против малого бизнеса. Отдельно взятого города.

Она открыла сайт вакансий. Интернет задумался. Потом всё-таки загрузил страницу, как старый конь, который не испортит. Неприятно, но надо.

«Помощник руководителя. Требования: грамотная письменная речь, внимательность к деталям, умение работать в режиме многозадачности».

Лика закрыла вкладку. Многозадачность была ее коньком. Если она одновременно пила чай и думала о будущем, чай оказывался на свитере.

«Администратор в клинику. Требования: стрессоустойчивость, пунктуальность, аккуратность».

Мимо. Она однажды опоздала на собеседование, потому что вышла на час раньше, села не на тот автобус и оказалась возле крематория. Судьба явно подмигивала, но Лика тогда не оценила.

«Оператор колл-центра. Холодные звонки».

Лика содрогнулась. Холодные звонки были страшнее бедности. Почти. А ведь где-то еще ходили и плакали горячие.

Телефон снова завибрировал.

На этот раз на экране возникло имя, которое она давно должна была удалить. Потом заблокировать. Следом мысленно сжечь вместе со всеми воспоминаниями. Но оно всё ещё жило в старых чатах, как плесень в углу. Почти не видно, пока не подойдёшь близко.

Артём.

Лика не сразу открыла сообщение. Сначала просто смот-

рела на экран, и в груди становилось тесно. Три года прошло, а тело всё равно вспоминало. Его голос, улыбку при людях. Пальцы на её запястье, когда он говорил тихо: «Не позорь меня». Фразу: «Кто тебя такую полюбит?» Произнесённую так спокойно, будто он читал прогноз погоды. После него она долго не могла смотреть мужчинам в глаза. Не потому что все были плохими. А потому что хороший взгляд от плохого она больше не умела отличать. Не получалось.

Сообщение было коротким.

«Жива?»

Ни «привет». Ни «как дела». Или «извини». Проверка имущества при частичной инвентаризации. Будто она была старой вещью, оставленной в кладовке. Не разбилась ли, не отсырела ли, можно ли при случае забрать обратно. И – да! Примерно очистить от скверны.

Ли́ка почувствовала, как в ней поднимается злость. Сначала слабая, неуверенная. Потом горячее. Врач из бесплатного психологического центра говорил ей: «Не вступайте в контакт». Подруга, с которой они когда-то вместе работали в кафе, говорила: «Заблокируй его, Лик. Просто заблокируй». Мама ничего не говорила, потому что Ли́ка так и не рассказала ей правду. Сказала только, что они расстались. Потому что «не сошлись характерами». Точнее, характер у Артёма был один, взрывной, а синяков у Ли́ки — много.

Она должна была закрыть чат. Нажать «заблокировать». Но внутри вдруг шевельнулось глупое, стыдное желание

проверить. А имеет ли он ещё над ней власть? Она напишет что-то нелепое, он ответит холодно. И если ей не станет больно — значит, всё, она свободна. Странная логика. Но у Лики вообще с логикой в личной жизни были отношения сложные. Они редко встречались и почти не здоровались. Никогда. Чужие люди и направления.

Она набрала: «Я тебя ещё люблю».

Посмотрела на фразу и скривилась.

— Господи, какая мерзость, — прошептала она. — Лабораторный эксперимент. На мышках. Мыши — это я.

Она уже хотела стереть сообщение, но палец соскользнул. Т9, мерзавец в цифровом плаще, успел первым.

Сообщение ушло.

«Я тебя ещё склюю».

Лица замерла. Потом медленно поднесла телефон ближе к лицу, надеясь, что у неё начались галлюцинации от дешёвого чая. Но нет. Там было именно это. «склюю». Двумя беспринципными «юю». И видом человека, который не только унизился, но и сделал это в детском саду на утреннике. Вряд ли трезвым.

— Ты чудовище, — прошипела Лица телефону. — Маленькое мерзкое чёрное чудовище с экраном.

Две галочки стали синими. Артём ответил почти сразу: «Ты пьяна? Иди домой».

Лица прочитала. Потом ещё раз. Поняла, что не плачет. Раньше такая фраза выбила бы из неё воздух. Она бы кину-

лась бы объяснять, что не пьяна. Это ошибка, что она нормальная. Раньше бы извинялась даже за автозамену. Рядом с Артёмом извиняться было её естественным состоянием, как дышать.

А сейчас она просто сидела на кухне в старом пледе и злилась. Не разрушительно. Вживую.

— Сам иди домой, — рявкнула она и даже рукой махнула. — В ад. Там, кажется, как раз освободилась койка. С видом на твоё эго.

Она открыла настройки чата. Палец завис над кнопкой «Заблокировать». Страх попытался поднять голову. Он мог разозлиться, а вдруг найдёт, а если это спровоцирует? Но следом пришла другая мысль, неожиданно спокойная. Он и так всегда злился, находил и провоцировался. Её безопасность не зависела от его настроения. По крайней мере, она очень хотела в это верить.

Ли́ка нажала «Заблокировать».

Имя исчезло.

В квартире ничего не изменилось. Батарея не потеплела. Кошелёк не наполнился. Мама не выздоровела. Но где-то внутри будто закрылась маленькая дверь, из-за которой слишком долго тянуло сквозняком.

Ли́ка выдохнула и потянулась за кружкой. Разумеется, задела её локтем.

Кружка упала на пол и разбилась.

— Отлично, — проворчала Ли́ка, глядя на осколки. —

Теперь у меня ещё и символический быт. Разбитая кружка как метафора личной жизни. Не хватает только скрипки и дождя.

За окном тут же застучал дождь.

Ли́ка подняла глаза к потолку.

— Я не просила спецэффекты. Не сегодня.

Она собрала осколки. Порезала палец, промыла холодной водой и вернулась к столу. Уже с ощущением, что вечер перешёл в жанр трагикомедии без её согласия. Но работу всё равно надо было искать. Деньги сами в кошелёк не приходили. Максимум — уходили. С такой скоростью, будто у них был любовник в другой стране.

Она листала вакансии ещё минут десять, пока не увидела объявление. Выглядело, точно его написали люди серьёзные, опасные и совершенно не готовые к Ли́ке Соболевой.

«Охранное агентство «Белозёров и партнёры» ищет помощника в административный отдел».

Название было внушительное. «Белозёров и партнёры» звучало не как место, где пьют растворимый кофе из кружек с котиками. Это звучало как стеклянный офис, строгий пропускной режим. Мужчины в чёрных костюмах и папки, на которых написано: «Совершенно секретно. Не открывать». Особенно, если вы нервная блондинка.

Ли́ка открыла вакансию. Зарплата была хорошей. Не сказочной, конечно. Не такой, чтобы купить маме новую почку и себе другую нервную систему. Но такой, чтобы оплатить

обследования, лекарства, часть операции. Не считать в магазине, сколько стоит один кусочек сыра. Если разрезать его на семь частей. Недельку.

Требования она читала с осторожностью, как минное поле. Грамотность, ответственность, конфиденциальность, умение работать с документами. На слове «конфиденциальность» Лика даже оживилась. Конфиденциальность ей подходила. Она столько лет скрывала от мамы правду про Артёма, что могла бы вести секретные архивы государства. Правда, документы в её руках имели привычку падать, пачкаться чаем и исчезать под диваном. Но об этом работодатель мог узнать позже. После подписания договора. Желательно бессрочного.

Она представила себя в охранным агентстве. В строгой юбке, белой блузке, с собранными волосами. Она уверенно идёт по коридору, несёт папку, все расступаются. Кто-то шепчет: «Это Соболева. С ней лучше не шутить». В воображении она даже не спотыкалась.

В реальности она пошевелила ногой и ударилась коленом о ножку стола.

— Агент Соболева ранена при исполнении табуреточной миссии, — пробормотала она, массируя уши. — Но продолжает операцию.

Кнопка «Откликнуться» была синей, яркой и пугающей. Лика нажала её, пока не передумала. Сайт предложил написать сопроводительное письмо.

Вот тут стало опасно.

Она посмотрела на телефон.

— Слушай сюда, — сказала она ему строго. — Сейчас мы отправляем деловое сообщение. Деловое. Это значит: без постыдных признаний, работорговли, склюю. Ты просто лежишь и не вмешиваешься. Я пишу. И мы оба выживаем.

Телефон, конечно, ничего не обещал. У него вообще была такая форма молчания, после которой обычно начинался позор. И жестокие провокации.

Лика решила перестраховаться. Сначала написать текст в заметках, потом скопировать, вставить, потом проверить. Она открыла заметки и набрала: «Добрый вечер. Меня заинтересовала ваша вакансия. Хочу работать в вашей компании. Готова прийти на собеседование в любое удобное время».

Она прочитала текст. Потом ещё раз. Медленно, по словам. Всё было нормально. Вежливо. Даже почти элегантно. «Хочу работать в вашей компании» звучало как фраза человека, у которого есть диплом, график сна и хотя бы две целые кружки.

Лика скопировала текст и вставила в форму отклика. На секунду отвлеклась: пришло новое сообщение от мамы. «Дочь, не забудь поесть. Я тебя люблю». У Лики дрогнуло сердце. Она улыбнулась, смахнула уведомление и в это же мгновение случайно нажала «Отправить».

Отклик ушёл.

— Ничего страшного, — сказала она себе. — Я же про-

верила. Всё проверила. Я теперь человек-контроль. Женщи-на-аудит. Блондинка с внутренним бухгалтером.

Сайт показал копию отправленного сообщения.

Лика сначала смотрела спокойно. Потом взгляд зацепил-ся за середину текста, и внутренний бухгалтер умер от ин-фаркта.

«Добра и вечера. Я ваш интерес. Хочу работать с вами в постели. Готова пройти все. На собеседование любое время удобное мне».

Кухня замерла. Дождь за окном будто тоже притих, что-бы лучше рассмотреть катастрофу. Лика перечитала фразу медленно. С надеждой, что мозг просто устал и подменил буквы из вредности. Но буквы были на месте. Все. Особенно те, которые превращали «кампанию» в «постель» и её профессиональную инициативу — в уголовно-неловкое предло-жение незнакомому мужчине.

— Нет, — очень попросила она.

Ноутбук не ответил.

— Нет-нет-нет, — повторила Лика уже громче. — Поче-му постель? Почему не «кампания»? Я могла бы хотеть ра-ботать в вашей кампании. Ну, подумают, что я политически активная. Странно, но не смертельно. Почему сразу постель, цифровой ты сутенёр?!

Телефон лежал рядом с видом святого мученика. На экра-не мигали жалкие девять процентов заряда. Видимо, T9 со-вершил диверсию и теперь собирался красиво умереть, оста-

вив её разобраться с последствиями.

Ли́ка вскочила, запуталась в плёде, чуть не упала, но удержалась за стол. Полноценная паника в её квартиру не помещалась. Она ходила туда-сюда между холодильником и подоконником, делая два с половиной шага в одну сторону и два с половиной обратно. Надо было отменить заявку. Должна же быть кнопка «вернуть достоинство». Должна быть где-то в интернете функция «не это имела в виду, я бедная и нервная».

Кнопки не было. Была только надпись: «Отправлено работодателю».

Ли́ка открыла профиль компании. «Частная охрана. Сопровождение. Защита бизнеса. Проверка благонадёжности. Конфиденциальные расследования». Последние слова доби́ли её окончательно. Конфиденциальные расследования. Прекрасно. Сейчас они конфиденциально расследуют, почему соискательница административной должности хочет работать в постели генерального директора. В основном, с ним. Ерш твою медь!

Она представила огромный кабинет. Жалюзи. Камеры. Карта города на стене. Мужчина в чёрных очках читает её заявку. Медленно поднимает голову и говорит в рацию: «Кирилл, у нас нестандартный объект. Возможно, провокация. Жестокая отчаявшаяся блондинка. В любом случае, возьми наручники, плетёнку и транквилизаторы для слона. Операция «Сафари» начинается».

От этой мысли Лика застонала и закрыла лицо руками. Телефон завибрировал.

Она подпрыгнула так, будто наручники уже щёлкнули за спиной. На экране появилось новое уведомление. Ответ работодателя. Прошла всего минута. Одна минута. То есть где-то там Марк Андреевич Белозёров не просто получил её сообщение, а прочитал его сразу. Быстро. Внимательно. Возможно, с участием службы безопасности и психолога. Не будем себе льстить. Психиатра.

Лика открыла ответ с тем чувством, с каким люди открывают результаты анализов, повестку в суд и сообщения от бывших после полуночи.

Отправитель: «Марк Андреевич Белозёров».

Само имя выглядело так, будто могло уволить её без собеседования.

Сообщение было коротким.

«Приходите на собеседование завтра в 10.00. Принесите паспорт и фантазию. Или что там у вас есть еще».

Лика села. На стул на этот раз попала. Не сразу поняла, что это удача.

Паспорт и фантазию. Или что-нибудь. Еще.

Она перечитала. Потом ещё раз. Затем третий — уже в надежде, что Т9 успел испортить и входящее сообщение тоже. А на самом деле там было «паспорт и фотографию». Но нет. Там была именно фантазия. Марк Андреевич Белозёров, владелец охранного агентства, человек с фамилией как

засекреченный снегопад, приглашал её на собеседование после фразы «хочу работать в вашей постели» и просил принести фантазию! Да он храбрец!

Ли́ка почувствовала, как лицо заливает жаром. Стыд был такой плотный, что им можно было утеплить батарею. Но вместе со стыдом внутри шевельнулось что-то ещё. Маленькое, неправильное, совершенно неуместное. Любопытство. Кто так отвечает? Нормальный мужчина написал бы: «Вы ошиблись адресом». Ненормальный написал бы что-нибудь мерзкое. А этот ответил сухо, вежливо. Так, будто уже завёл на неё дело.

— Не пойду, — твердо сказала Ли́ка. — Конечно, не пойду. Я уважающая себя женщина. Я не хожу на собеседования, где из документов требуют паспорт и фантазию.

Она сказала это уверенно. Почти. Потом посмотрела на кошелёк.

Кошелёк лежал раскрытый, такая маленькая кожаная бездна. В нём было триста сорок рублей, старая скидочная карта, чек из аптеки. И монетка, которую автомат с кофе не принял из принципа. На чеке была сумма за мамины лекарства. Ли́ка посмотрела на неё и почувствовала, как вся её гордая женская позиция сдувается. Точно шарик после детского праздника.

Телефон снова мигнул. Мама прислала ещё одно голосовое.

— Ликусь, я тут подумала, ты только всё на себя не бери,

хорошо? Я взрослая. Если что, подождём. Не надо тебе из-за меня хвататься за первую попавшуюся работу.

Ли́ка закрыла глаза.

Ждать было нельзя. Болезнь, арендодатель и цены в аптеке не ждали. Даже макароны по акции заканчивались быстрее, чем вера в стабильность.

Она открыла черновик ответа Марку Андреевичу. Надо было написать: «Прошу прощения, произошла ошибка автозамены». Нормальная фраза. Вменяемая. Спасаящая остатки репутации.

Она набрала: «Прошу прощения, произошла ошибка автозамены».

Т9 мгновенно предложил: «Нет прощения. Рассмотреть ошибку автозахвата».

Ли́ка застыла.

— В охрannое агентство? — тихо спросила она. — Ты теперь ещё и тематически работаешь?

Стёрла. Написала: «Это Т9».

Телефон поправил, ему понравилось: «Мой тигр».

Ли́ка медленно положила телефон на стол.

— Всё. Больше мы не пишем. Мы завтра придём, будем умолять простить и лично уми́рем.

Эта мысль была абсурдной, пугающей и почему-то единственно рабочей. Ли́ка представила, как входит в офис и говорит: «Здравствуйте, я та самая, в постель». Нет. Не так. «Здравствуйте, я по вакансии. Постельной». Уже лучше. А

если он спросит, по какой именно части вакансии? Нет, нельзя об этом думать. Думать вообще вредно, особенно после десяти вечера и при остатке денег триста сорок рублей.

Она закрыла лицо руками.

— Почему Т9 ненавидит меня? — спросила Лика тёмную кухню. — Ну что я ему сделала?

Телефон молчал. Конечно. Убийцы всегда молчат после преступления. Наслаждаются ощущениями.

Лика решила не идти. Твёрдо, окончательно, с достоинством. Она не будет позориться перед незнакомым мужчиной. Вдруг, он носит пистолет, чёрный костюм и презрение к людям с автозаменой. Она найдёт другую работу. Простую. Безопасную. Таковую, где никто не будет просить фантазию. И что-нибудь еще!

Она снова открыла сайт вакансий.

«Расклейщик объявлений. Оплата ежедневно».

«Ночная уборщица. График с 22.00 до 6.00».

«Оператор колл-центра. Холодные звонки. План продаж».

Лика закрыла ноутбук.

Потом снова открыла сообщение Марка.

«Приходите на собеседование завтра в 10.00. Принесите паспорт и фантазию. И что...».

В глубине этого кошмара была крошечная искра. Не надежда даже. Скорее упрямство. Если уж жизнь решила окончательно выставить её душой, можно было хотя бы попробо-

вать получить за это зарплату. Маленькую!

Лица посмотрела на своё отражение в тёмном экране телефона. Бледное лицо, большие голубые глаза, растрёпанные светлые волосы, свитер с растянутым воротом. На роковую женщину она не тянула. На шпионку — тем более. Максимум на человека, которого случайно занесло в чужой жанр. Занесло и брякнуло о стену.

Она вздохнула:

— Ладно. Умру, но с достоинством.

Телефон мигнул последними восемью процентами заряда.

Лице показалось, если бы у Т9 было лицо, он бы сейчас улыбался.

Глава 2

ГЛАВА 2. ЧЕЛОВЕК В ЧЕРНОМ ПЛАЩЕ

Утром Лика поняла две вещи. Первая: она всё-таки не умерла от стыда во сне, хотя организм явно рассматривал этот вариант. Вторая: идти на собеседование в охранный агентствo после фразы «хочу работать с вами в постели» было не смелостью, а редкой формой финансового безумия.

Она стояла перед зеркалом в прихожей, если это можно было назвать прихожей. На самом деле это был квадрат пола между входной дверью, шкафом и ковриком с надписью «Welcome». Щедро купленным прежними жильцами с мрачным чувством юмора. Лика смотрела на своё отражение и пыталась выглядеть как человек, которого можно взять на работу. А не как женщина, которую нужно срочно накормить, обнять и отобрать телефон.

На ней были тёмные джинсы, белая рубашка, найденная на дне шкафа в состоянии «почти прилично». И серый жакет, который мама когда-то назвала «деловым». Жакет был чуть велик в плечах и делал Лику похожей на школьницу, пришедшую защищать диплом по экономике. Хотя в душе она всё ещё пыталась защититься от будильника. Волосы собрала в низкий пучок. Хвост-пучок держался плохо, зато честно. Из него уже выбивалась светлая прядь, как флаг ка-

питуляции. Полной.

На столике лежал паспорт. Рядом — телефон. Лика смотрела на него так, как смотрят на сообщника - предателя. Он только вчера продал тебя мафии, а сегодня предлагает подвезти.

— Ты остаёшься в сумке, — угрожала она телефону. — Молчишь. Не исправляешь. Мы с тобой сегодня два незнакомых человека. Но! Я за тобой слежу!

Телефон показал заряд восемьдесят семь процентов. То есть был полон сил для новых преступлений.

Лика сунула его в сумку, проверила паспорт, кошелёк, резюме, ещё раз паспорт. И СНИЛС. Не понятно, зачем. Вышла из квартиры. У двери она замерла. Хотелось вернуться, завернуться в плед и написать Марку Андреевичу, что она умерла. Но писать было опасно. Телефон мог заменить «умерла» на «умрешь первым», а это уже тянуло не на отказ от собеседования. Скорее на начало очень плохого сериала.

До центра она ехала на автобусе и метро, держа сумку обеими руками. Люди вокруг были обычные. Кто-то сонно листал новости, кто-то пил кофе из бумажного стакана, а кто-то разговаривал по послушному телефону. Таким голосом, будто управлял судьбами мира. Хотя обсуждал доставку плитки. Лика пыталась думать о чём угодно, кроме фразы «принесите паспорт и фантазию». Фантазию она не принесла. Она честно искала её утром среди носков, чеков и тревожных мыслей, но нашла только старую шоколадку с назва-

нием «Фантазия». И на секунду даже подумала взять её с собой. Потом решила, что появиться на собеседовании с паспортом и шоколадкой, это уже перформанс. И совершенно случайно съела ее. Ну, так. Хотела только откусить. Один раз.

Здание «Белозёров и партнёры» находилось в деловом центре. Среди стекла, бетона и людей, которые умели ходить быстро, не спотыкаясь о собственную жизнь. Оно было высоким, строгим и блестящим. Такой дорогой холодильник для человеческих надежд. У входа вращались стеклянные двери. Лика минуту смотрела на них с подозрением. Вращающиеся двери не любили неуклюжих людей. Особенно Лику.

— Спокойно, — прошептала она себе. — Ты взрослая женщина. Ты умеешь входить в здания.

На третьем обороте дверь мягко вытолкнула её внутрь, как сомнительный груз.

Холл пах дорогим кофе, бумагой и деньгами, которые никогда не видели макарон по акции. Мраморная стойка ресепшен блестела так, что Лика невольно выпрямилась. На стене висел логотип: «Белозёров и партнёры». Буквы были чёрные, строгие, уверенные в себе. Примерно такие буквы могли бы задержать человека без объяснения причин. И даже применить меры воздействия.

У входа стоял охранник. Большой. Молчаливый. В идеально сидящем костюме. Он посмотрел на Лику так, будто уже знал про постель. Теперь решал, является ли она угрозой

национальной безопасности или просто социальным недоразумением.

Лица нервно улыбнулась.

Охранник не улыбнулся в ответ.

Это было нечестно, но ожидаемо. У него было лицо человека, которому для улыбки нужно отдельное распоряжение руководства.

— Я на собеседование, — неожиданно для себя тоненько пропищала Лица. — К Марку Андреевичу. Белозёрову. Он сам... В смысле, меня пригласили! Не лично! То есть лично, но письменно. Я не сама! Ну, сама, конечно, ногами, но...

Тут ей показалось, что ситуация стала несколько запутанной. И решила пояснить:

— А на счет постели, это вообще не я. Это Марк Андреевич, наверное, понял не так...

Охранник молча протянул руку.

Лица секунду смотрела на неё в сомнениях. Было три варианта: плюнуть, пожать и поцеловать. Её терзали смутные сомнения. И только потом она поняла, что нужен паспорт. Полезла в сумку, зацепилась пальцами за подкладку. Дернула сильнее. Вытащила сначала ключи, потом пачку салфеток, затем резюме, которое тут же согнулось пополам. Следом телефон, который решил блеснуть экраном, и наконец, паспорт.

Телефон в этот момент зажёгся уведомлением. Мама.

«Ликусь, ты дошла?»

Ли́ка быстро нажала ответить, потому что мама могла начать волноваться. Набрала: «Я в офисе, всё хорошо».

Т9 предложил: «Офигительно всё хорошо».

Ли́ка посмотрела на экран.

— Тоже правда, — прошептала она, но отправлять не стала.

Охранник всё это видел. Его лицо не изменилось. Видимо, человек служил в таких местах, где «офигительно все» считалось рабочим состоянием.

Он проверил паспорт, выдал временный пропуск и кивнул в сторону стойки. Без слов. Вообще без слов. Ли́ка почти восхитилась. Вот бы ей так. Молчать и вызывать уважение, а не открыть рот и устраивать утечку достоинства.

За стойкой сидела женщина лет шестидесяти с лишним. Низкая, полноватая, в очках с толстыми линзами. В тёплой вязаной кофте цвета топлёного молока. Она совершенно не вписывалась в мрамор, стекло и охранников, зато от неё пахло пирожками. И это сразу делало окружающий мир мир менее враждебным.

— Соболева Анжелика Владимировна? — официально спросила она, посмотрев на монитор.

— Да. То есть да, это я. Ли́ка. С фант... — Ли́ка резко прикусила язык. — С паспортом.

Женщина медленно подняла на неё глаза. Взгляд у неё был добрый, внимательный. Ли́ка поняла и приуныла. Эта женщина знала всё. Вообще всё. Вероятно, даже то, где в

детстве Лика спрятала мамину помаду и почему потом три дня ходила с розовой кошкой.

— Я Зинаида Петровна, — представилась женщина. — Секретарь Марка Андреевича. Проходите, милочка. Он ждёт.

«Ждёт» прозвучало почти как «капут».

Лика сглотнула и пошла за Зинаидой Петровной к лифтам. Каблуков она не надела из соображений общественной безопасности, поэтому была в аккуратных кедах. Самых приличных из всех, что у неё были. Всё равно на блестящем полу она чувствовала себя так, будто любой шаг мог стать последним. Пол был слишком гладкий и дорогой. На нём хотелось поскользнуться с размахом и войти в историю компании как кандидатка, уничтожающая мрамор лицом.

Лифт поднял их на последний этаж почти бесшумно. Лика смотрела на цифры и думала, что это похоже на обратный отсчёт. Чем выше они поднимались, тем ниже опускалось её самомнение.

— Не бойтесь, — вдруг участливо сказала Зинаида Петровна.

Лика вздрогнула. И сделала отважное лицо.

— Я не боюсь.

Зинаида Петровна мягко улыбнулась.

— Конечно. Вы просто держите сумку так, будто там сердце в контейнере.

Лика посмотрела на свои руки. Действительно. Сумка бы-

ла прижата к груди с такой силой, что паспорт внутри мог получить травму.

— Я немного нервничаю, — призналась она.

— Это нормально. Перед Марком Андреевичем все нервничают.

— А после?

— После по-разному. Кто-то увольняется. Кто-то влюбляется. Другие просят перевести их в архив без окон.

Лица нервно рассмеялась. Зинаида Петровна не выглядела шутницей. Это тревожило.

Двери лифта открылись. Последний этаж оказался тихим, почти стерильным. Серые стены, тёмные двери, мягкий ковёр, поглощающий шаги. На стенах висели фотографии города с высоты. Лица почему-то сразу представила, что где-то здесь есть комната с мониторами. На которых видно каждую улицу, голубя и человека. Который когда-нибудь написал «постель» вместо «кампания».

Кабинет Марка Андреевича находился в конце коридора. Дверь чёрная. Матовая. Без таблички. Только маленькая металлическая буква «Б», как отметка на деле.

Зинаида Петровна постучала один раз и, не дожидаясь ответа, открыла.

— Марк Андреевич, к вам Соболева Анжелика Владимировна.

В кабинете было темно.

За панорамными окнами висело серое утреннее небо. Го-

род лежал внизу мокрый и равнодушный, а на огромном столе горела настольная лампа с тяжёлым чёрным абажуром. Но остальное пространство тонуло в полумраке. Чёрная кожаная мебель, чёрные стеллажи, тёмные карты на стенах. Контрастные схемы с линиями, фотографии зданий, какие-то отметки и папки. Кабинет выглядел так, будто здесь не проводили собеседования. А просто решали, кто исчезнет до обеда.

И в глубине, за огромным столом, сидел человек. Спиной к двери. В чёрном плаще. И чёрной шляпе. Лица замерла на пороге. Первой мыслью было: «Он серьёзно?» Второй: «Боже, он серьёзно». Третьей: «Может, это не собеседование, а квест? И сейчас нужно найти подсказку под ковром».

Зинаида Петровна деликатно подтолкнула её взглядом и закрыла дверь. Щелчок замка прозвучал слишком окончательно. Лица осталась одна. С человеком в чёрном плаще.

Несколько секунд ничего не происходило. Человек сидел неподвижно, словно ждал, когда грянет музыка. Лица уже почти решила, что ей нужно самой поздороваться. Но! В этот момент кресло медленно повернулось.

Марк Андреевич Белозёров оказался блондином.

Неожиданно. Лица почему-то ждала брюнета с тяжёлым подбородком и взглядом налоговой проверки. А перед ней сидел мужчина лет двадцати девяти. Высокий даже в кресле, с короткими пепельно-светлыми волосами, резкими скулами и лицом, которое было слишком красивым. Чтобы быть доб-

рым, и слишком холодным, чтобы быть безопасным. На нём был чёрный костюм, чёрная рубашка, чёрный плащ. Шляпу он уже снял, значит, не всё потеряно, — и чёрные очки.

В помещении. Утром. При сером небе.

Черт. У него точно фингал под глазом!

Ли́ка уставилась на очки. Потом опомнилась, и тут же заставила себя смотреть куда угодно, только не туда. Например, на стол. Стол был огромный, без единой лишней бумаги. Ручка лежала строго параллельно краю. Папка — ровно по центру. Чашка кофе — на идеальном расстоянии от ноутбука. У Ли́ки дома даже пыль лежала хаотично, а здесь, кажется, подчинялась уставу.

Марк молчал. Ли́ка тоже молчала.

Потом он сказал:

— Вы — та самая, которая хочет работать в моей постели?

Голос у него был низкий, спокойный и совершенно невозмутимый. Так, наверное, сообщают, что объект обезврежен, свидетели отсутствуют, погода пасмурная. Все свободны!

Ли́ка вспыхнула так резко, что, возможно, осветила кабинет лучше лампы.

— Нет! То есть да! То есть я та самая, но не в смысле постели. Я хотела в кампанию. В вашей компании. Работать. Нормально. Документы, звонки, кофе, скрепки, вот это всё. Не постель. Никогда. То есть вообще когда-нибудь, наверное, у людей бывают постели, но не с работодателем. И не в первый рабочий день. И не до трудового договора. Нет, это

не значит, что если день не первые и трудовой договор подписан, то...

Она замолчала, потому что поняла одно. Чем больше объясняет, тем глубже закапывает себя. Карьера, уже видела на дне ямы лежащей её репутацию и махала лопатой. Или рукой. На прощание.

Марк не улыбнулся. Это было обидно. Хотя, наверное, если бы он улыбнулся, она бы умерла быстрее.

— Т9, — выдохнула Лика. — Это всё Т9.

— Автозамена? — уточнил он.

— Да. Она меня ненавидит.

— Технологии не способны на ненависть.

— Вы просто не знакомы с моим телефоном.

Марк чуть наклонил голову. Из-за чёрных очков было невозможно понять, смотрит он ей в глаза или просчитывает траекторию её бегства.

— Присаживайтесь, Лика Владимировна.

Она шагнула к креслу для посетителей. Кресло было чёрное, кожаное и выглядело дороже всей её кухни вместе с батареей-философом. Лика старалась идти спокойно, но ковёр оказался слишком мягким. Каблуков не было, но это не спасло. Она зацепилась носком кеда за край ковра и почти полетела вперёд. Почти — потому что в последний момент схватилась за спинку кресла.

Кресло слегка сдвинулось.

В тишине это прозвучало как выстрел.

— Я проверяла устойчивость мебели, — объявила Лика, отплевываясь от волос, лезущих теперь в ее рот.

— И как результат?

— Мебель уверена в себе больше, чем я.

Марк снова не улыбнулся. Но пауза стала чуть другой. Не мягкой, нет. Этот человек, кажется, вообще не хранил мягкости в открытом доступе. Но что-то в воздухе едва заметно сдвинулось.

Лика села. Положила сумку на колени. Сжала ручки.

Марк открыл папку. На ней не было надписи, но Лика почему-то была уверена: если присмотреться, там окажется «Дело Соболевой. Постель. Предварительное расследование».

— Вы окончили филологический факультет? — спросил он.

— Не окончила. Бросила.

— Почему?

Лика напряглась. Вот оно. Началось. Сейчас надо было придумать что-то приличное. «Семейные обстоятельства». «Финансовые трудности». «Переоценка жизненного пути». Но врать она не умела. Когда врала, краснела, заикалась и выглядела как человек, который украл торт и забыл вытереть крем со лба.

— Из-за депрессии, — сказала она тихо. — После расставания.

Марк замер всего на долю секунды. Другой бы не заметил.

Лика заметила, потому что в кабинете и так всё было слишком неподвижно.

— Понятно, — погрузился он.

Не стал спрашивать подробности. Не сказал «бывает» или «надо быть сильнее». Ничего из того, что обычно говорят люди, когда хотят побыстрее закрыть чужую боль аккуратной крышкой. И это неожиданно помогло Лике выдохнуть.

— Опыт работы у вас разнообразный, — продолжил Марк.

— Это вежливое слово для «хаотичный»?

— Это слово для «не задерживались». Летали.

Лика кивнула.

— У меня есть проблемы с техникой, координацией и некоторыми начальниками.

— С начальниками?

— Они часто не понимают мой творческий подход к ошибкам.

— Ошибки — это угроза.

— Для кого?

— Для всех.

Он сказал это так серьёзно, что Лика невольно выпрямилась. В его мире, видимо, чашка, поставленная не на то место, могла привести к международному кризису. Хотя, если честно, в её мире тоже иногда приводила.

Марк отложил папку и сложил руки на столе. Его пальцы были длинные, спокойные, уверенные. У Лики такие ру-

ки вызывали двойственное чувство. С одной стороны, красивые. С другой — слишком сильные. После Артёма она не любила, когда мужские руки были слишком близко. Даже если они просто, лежали. И принадлежали человеку в чёрных очках, который пока только задавал странные вопросы.

— Вы когда-нибудь стреляли? — спросил Марк.

Лица моргнула.

— Из чего?

— Из оружия.

— Нет.

— Даже в тире?

— В детстве стреляла шариками по жестяным банкам на ярмарке. Попала в продавца сахарной ваты. Случайно.

— Понятно.

Он что-то записал.

Лица вытянула шею, но не увидела, что. Очень хотелось, чтобы не «опасна с шариками».

— Как вы относитесь к слежке? — спросил он.

— Плохо.

— Почему?

— Потому что это слежка.

— Аргумент эмоциональный.

— Зато честный.

— А если слежка обеспечивает безопасность?

Лица хотела ответить резко, но удержалась. Слово «безопасность» зацепило. Оно всегда цепляло. Потому что она

слишком долго жила без него. Без слова этого.

— Тогда всё равно страшно, — ответила она, с достоинством. — Когда за тобой следят, ты не всегда знаешь, тебя защищают или держат на поводке.

Марк не двигался. Только тишина в кабинете стала плотнее.

— Интересный ответ, — хмыкнул он наконец.

— Это значит неправильный?

— Это значит интересный.

Он снова сделал пометку. Лике захотелось забрать у него ручку и написать самой: «Кандидат нервная, но честная. Не стрелять. Пока».

— Как вы относитесь к чёрному цвету?

Лика посмотрела на его костюм, плащ, очки, стол, кресла и, кажется, даже в душу кабинета.

— Честно?

— Желательно.

— Он практичный. Но в таких количествах немного давит. Как будто интерьер готовится к похоронам. Всего света.

Марк молчал.

Лика прикрыла глаза.

— Простите.

— Не за что. Продолжайте.

— Я люблю розовый, — призналась она, чувствуя, что сейчас окончательно проиграет собеседование. — Не ядовитый. Нормальный. Пыльно-розовый. Ещё голубой. И жёл-

тый, если он не слишком радостный, с утра.

— Жёлтый может быть слишком радостным? С утра?

— Некоторые оттенки, орут.

Марк чуть повернул голову к окну. Серое небо за стеклом выглядело так, будто жёлтый цвет ему тоже не нравился. С утра, особенно.

— Зачем вы пришли? — резко спросил он.

Ли́ка ожидала ещё один вопрос про оружие или диверсии, поэтому не сразу поняла.

— На собеседование?

— После вашего сообщения. Моего ответа. Вы могли не прийти.

Она посмотрела на сумку на коленях. На пальцы, сцепленные так крепко, что побелели костяшки. Можно было сказать: «Меня заинтересовала вакансия». Или: «Я ответственный кандидат». Даже пошутить про фантазию. Но вдруг устала. Слишком много вчера было стыда, страха, маминого голоса и пустого кошелька.

— Мне нужна работа, — жалобно призналась Ли́ка. — Очень. Маме нужна операция. Я не могу выбирать долго и красиво. У меня нет такой возможности. А ещё я... — она запнулась и попыталась улыбнуться, — решила, что если меня уже опозорил телефон, надо хотя бы извлечь из этого пользу. Финансовую.

Марк смотрел на неё сквозь чёрные очки. Ли́ка ненавидела эти очки. С открытыми глазами человека было проще

понять, как сильно он тебя осуждает. Хотя, может, именно поэтому он их и носил. Чтобы никто не видел, что он чувствует внутри.

— Вы боитесь мужчин, — предположил он вдруг.

Не спросил. Догадался.

Лица застыла. Сразу. Вся.

Тепло отхлынуло от лица. Пальцы сильнее сжали сумку. В груди возникло знакомое чувство, будто кто-то открыл старую дверь и оттуда пахнуло сыростью прошлого. Подвалом, например.

— Это не имеет отношения к вакансии, — твердо произнесла она.

— Имеет. Вы будете работать в охранном агентстве. Здесь много мужчин.

— Я умею работать рядом с людьми.

— Я сказал не «рядом с людьми». Я сказал «с мужчинами».

Она подняла подбородок. Не очень уверенно, но подняла. Гордо.

— Я не боюсь мужчин. Я боюсь некоторых мужчин. Очень разные вещи.

Марк молчал несколько секунд. Потом едва заметно кивнул.

— Верно.

И снова что-то записал.

Лица уже была готова встать и уйти. Да, ей нужны были

деньги. Да, мама. Да, операция. Но сидеть под этим холодным взглядом, который видел слишком много, было почти невыносимо. Она не хотела, чтобы незнакомый мужчина с чёрными очками угадывал про её. Это было неприлично. Хуже, чем вчерашняя постель. В смысле, глупого сообщения. Она не собиралась анализировать его постели. Ни вчерашние, ни сегодняшние!

Марк закрыл папку.

Лика приготовилась услышать: «Мы вам перезвоним». Это была самая популярная фраза работодателей. Означавшая: «Скорее всего, нет. Но не надо тут рыдать и держаться за угол стола! Уходите без сцен».

Он торжественно произнес:

— Вы приняты.

Лика моргнула.

— Что?

— Вы приняты, Лика Владимировна.

— Простите, у меня, возможно, стрессовая галлюцинация. Вы сказали «приняты»?

— Да.

— На работу?

— Нет, в тайное общество любителей жёлтого цвета. Конечно, на работу.

Она уставилась на него. Вот теперь он точно шутил. Или нет. Господи! А что если есть такое общество? И об этом нужно было знать?!

С Марком Андреевичем Белозёровым невозможно было определить. Его голос был одинаковым для сарказма, угроз и кадровых решений.

— Но я не умею стрелять!

— На административной должности это не потребуется. Наверное. Первое время.

— Я не люблю слежку.

— Большинство объектов её не любит.

— Я написала вам про постель.

— Именно поэтому я и пригласил вас. Мне понравилось.

Лица открыла рот. Закрыла. Снова открыла.

— Это плохая причина для приёма на работу.

— Это нестандартная причина. Плохой она станет, если вы окажетесь внедрённым агентом, мошенницей или человеком с неконтролируемым доступом к конфиденциальной информации.

— Я человек с неконтролируемым доступом к Т9.

— Однако! Да это хуже!

Сказал он это совершенно серьёзно.

Лица почти рассмеялась. Почти — потому что страх ещё сидел в горле, но уже немного потеснился. Марк Андреевич был странным. Холодным. Пугающим. Возможно, немного безумным. Но он не унижал её. Не смеялся. Не делал мерзких намёков. Он просто принимал её на работу так, будто проводил спецоперацию. На Луне.

— Что я должна делать? — спросила она осторожно.

— Работать с документами. Входящая корреспонденция. Архив. Часть расписания. Контроль поручений. Работа с закрытыми папками только после допуска.

— Допуска?

— Проверки.

— Проверки чего?

— Всего.

— У меня нет ничего интересного.

— Я выясню.

Лица нервно сглотнула. Станным образом после этой фразы хотелось не убежать, а спросить, входит ли в проверку содержимое холодильника. Там было слишком много правды. И тайных пороков.

Марк встал.

Она не ожидала, что он такой высокий. Когда он поднялся из кресла, кабинет будто стал меньше. Плащ мягко расправился по плечам, чёрная ткань почти не шелохнулась. Он подошёл к окну и встал спиной к городу. Как человек, который ежедневно решал, кому можно жить спокойно, а кому пора нервничать. И даже—бежать.

— Работать будете здесь, — распорядился он.

— В здании?

— В моём кабинете.

Лица замерла.

— Простите?

— Ваш стол поставят у стены. Временно. Под моим лич-

НЫМ КОНТРОЛЕМ.

— Зачем?

— Чтобы я мог следить за каждым вашим шагом.

Он произнёс это спокойно, почти буднично. Лика даже не сразу поняла, что нормальные люди так не говорят на собеседовании. Нормальные люди говорят: «У нас дружный коллектив». «Есть чай и печенье». «Зарплата два раза в месяц». А не: «Я буду следить за каждым вашим шагом», стоя в чёрном плаще на фоне серого неба.

— А это законно? — пискнула она.

— В рамках трудового договора — да.

— А в рамках здравого смысла?

— Здравый смысл часто мешает безопасности.

Лика посмотрела на него. На очки и плащ. На карты, схемы, идеальный стол. На лампу, которая освещала его. Так, будто он был не работодателем, а подозреваемым в красивом нуаре. Только не хватало проливного дождя. Прямо с потолка кабинета.

— Марк Андреевич, — задала она вопрос, — вы понимаете, что говорите как человек, который кормит акулу в подвале? Останками подозреваемых.

— У нас нет подвала. Вы что, знаете слово, останки?

Пауза.

— Акул тоже нет.

— Спасибо. Это очень обнадеживает.

— Пожалуйста. Но это пока.

Ли́ка не выдержала и фыркнула. Совсем тихо. Почти незаметно. Но он слышал. Она поняла это по тому, как он чуть повернул голову. Вдруг ей стало до ужаса интересно, какого цвета у него глаза. Не потому что это было важно. Просто человек, который носил чёрные очки в собственном кабинете, точно что-то прятал. Или от мира. Или от себя.

— Завтра к девяти, — сообщил Марк. — Зинаида Петровна оформит документы. Испытательный срок один месяц. Опоздания не люблю. Хаос тоже. Вранье не терплю.

— А розовое?

— Переживу.

— Да это прогресс.

Она сказала и тут же испугалась собственной наглости. Но Марк опять не рассердился. Он просто смотрел на неё из-за очков. Ли́ке показалось, что где-то глубоко под его чёрной бронёй шевельнулась тень улыбки. Или ей очень хотелось в это верить.

— Свободны, Ли́ка Владимировна, — завершил встречу он.

Она встала слишком быстро, сумка соскользнула с колен. Паспорт выпал на ковёр, резюме разлетелось веером. Ли́ка присела собрать бумаги, стукнулась плечом о край стола. Прошипела, снова выпрямилась и увидела, что Марк уже поднял паспорт. Он протянул ей документ двумя пальцами, аккуратно, без попытки заглянуть внутрь. И прикоснуться к ней. Якобы, случайно.

Это было странно. Многие мужчины пользовались моментом. Задевали ладонь, задерживали пальцы, наклонялись слишком близко. Марк не сделал ничего такого. Между ними остался воздух. Ровно столько, сколько нужно, чтобы Лика не отпрянула.

— Спасибо, — тихо поблагодарила она.

— Завтра к девяти, — повторил он.

— Да. Конечно. Я приду. Наверное. То есть приду. Я же принята. Значит, приду.

— Лика Владимировна.

— Да?

— Телефон по дороге никому не отдавайте.

Она напряглась.

— Почему?

— Он опасен.

И вот теперь она точно увидела. Не улыбку. Нет. Но её тень. На одну секунду уголок его губ едва заметно дрогнул.

Лика вышла из кабинета в странном состоянии. Она вроде бы получила работу. Это была хорошая новость. Отличная. Почти чудесная. Но работа находилась в кабинете мужчины, который носил чёрные очки в помещении, задавал вопросы про стрельбу и слежку. К тому же принимал людей после неприличных автозамен и официально собирался следить за каждым её шагом.

У двери стояла Зинаида Петровна. Точно не уходила. Знала, сколько длится любая судьбоносная катастрофа в каби-

нете Марка Андреевича.

— Ну что, милочка? — заботливо спросила она.

— Меня приняли, — ответила Лика. Голос прозвучал так, будто её завербовали.

Зинаида Петровна кивнула с видом человека, который ни секунды не сомневался.

— Я так и думала.

— Почему?

Секретарша наклонилась ближе и понизила голос:

— Вы ему понравились. Сразу.

Лика поперхнулась воздухом.

— Что? Нет. Нет-нет. Вы ошиблись. Он смотрел на меня как на подозрительный чемодан в аэропорту.

— Марк Андреевич на всех так смотрит. На вас он смотрел иначе. Немного.

— Он был в очках.

— Милочка, я с ним десять лет работаю. Я уже по наклону плаща понимаю, кого он мысленно уволил, а кого не хочет отпускать.

У Лики по спине пробежал холодок.

— Не хочет отпускать?

— В хорошем смысле, — успокоила Зинаида Петровна и тут же добавила: — Наверное.

Лика не знала, что на это ответить. Она оглянулась на чёрную дверь. За ней остался Марк. Человек в плаще. Очках. Человек, который сказал «вы приняты», будто подписал при-

каз о наблюдении за редким природным явлением.

Зинаида Петровна снова наклонилась к ней.

— Он так смотрел только на одну женщину.

Лица замерла.

— На кого?

— На свою маму, — прошептала секретарша. — А маму он похоронил пять лет назад.

Повисла пауза. Длинная. Неловкая. Очень информативная. Лица открыла рот, закрыла, потом снова открыла.

— Я не понимаю, это хорошая новость? Или мне нужно сменить город? Или сразу—страну?

Зинаида Петровна мягко похлопала её по руке.

— Пока просто приходите завтра к девяти. И лучше не опаздывайте. Марк Андреевич не любит опозданий.

— А что он любит?

Секретарша задумалась.

— Контроль, чёрный кофе, тишину и чтобы никто, под его ответственность, не умирал.

Лица почему-то вспомнила мамин голос, пустой кошелёк и свою вчерашнюю фразу: «Умру, но с достоинством». Теперь звучало не как шутка, а как плохой план.

Она вышла из здания через стеклянные двери и остановилась на улице. Серое небо нависало над городом. Ветер трепал выбившуюся из пучка прядь. Люди спешили мимо, живые, деловые, уверенные. Лица стояла с временным пропуском в кармане и понимала, что её жизнь только что свернула

куда-то. Не туда.

Самое страшное было в том, что ей почему-то хотелось прийти завтра.

Ужасно хотелось.

Глава 3

ГЛАВА 3. ПЕРВЫЙ ДЕНЬ НА ПЕРЕДОВОЙ

В первый рабочий день Лика пришла на пятнадцать минут раньше, потому что боялась опоздать. А так же, потерять работу, зарплату, шанс на мамину операцию и последние остатки достоинства. В итоге она стояла перед зданием «Белозёров и партнёры» в восемь сорок пять, мёрзла на ветру и пыталась убедить себя, что всё нормально. Просто работа, офис, начальник. Который носил чёрные очки в помещении, задавал вопросы про слежку и принял её на должность после фразы: «Хочу работать с вами в постели».

Нормальная взрослая жизнь. С лёгким привкусом уголовного дела.

Сегодня здание выглядело ещё выше, чем вчера. Стекло отражало серое небо, прохожих, машины и саму Лику. Маленькую светловолосую фигурку в голубом свитере, тёмной юбке и кедах. Юбка была деловой, кеды — жизненно необходимыми. После вчерашнего знакомства с мраморным полом она решила, что каблуки в охранном агентстве будут не обувью, а оружием массового уничтожения.

Телефон лежал в сумке, выключенный. Не просто на беззвучном. А полностью. Лика сделала это утром торжественно, как обезвреживание предмета, похожего на бомбу.

— Ты не работаешь, — предупредила она его перед выходом. — Сегодня работаю я.

Телефон погас без возражений, но Лика ему не поверила. У Т9 был вид существа, которое могло испортить жизнь даже из комы. Из своей и окружающих.

В холле её снова встретил тот же охранник. Большой. Молчаливый. И такой неподвижный, будто ночью его ставили на зарядку вместе с камерами. Сегодня он посмотрел на Лику чуть иначе. Вчера — как на подозрительный объект. Сегодня — как на подозрительный объект, прошедший первичную проверку. Но всё ещё способный взорваться от волнения.

— Доброе утро, — вежливо поздоровалась Лика.

Охранник кивнул.

Это был прогресс. Ещё пара месяцев, и, возможно, они дойдут до междометий.

Лика решила развить прогрессивное начало.

— Знаете, — очень толерантно объяснила сложившуюся ситуацию Лика — А ведь мы разобрались, с начальником, на счет постели. Там все не так однозначно.

Охранник почему-то стал цвета спелой вишни, и произнес утробное гортанное рычание.

Лика была благоразумной служащей и пошла дальше.

На ресепшен сидела Зинаида Петровна. В тёплой кофте, с очками на цепочке и деловым видом. Она знала, чем закончится этот день. Будьте уверены! Но не имела права вмеши-

ваться в судьбу из-за корпоративной этики.

— Доброе утро, милочка, — приветствовала она. — Пришли? Не испугались.

— Пока да, — честно ответила Лика.

— Хороший настрой. У нас многие в первый день приходят, а к обеду уходят. Духовно.

Лика сглотнула.

— Это шутка?

Зинаида Петровна улыбнулась.

— У нас тут всё немного шутка. Кроме Марка Андреевича. Он у нас серьёзный, даже во сне. Наверное. Никто не проверял или живым не вернулся.

Лика опять поняла, что с охранником она, пожалуй, поторопилась. С постелью. Все реально не так однозначно.

Хотела рассмеяться, но не успела. Нужно было решить, можно ли смеяться в здании, где даже лифты поднимались с выражением служебной тайны на скорбных дверцах. Зинаида Петровна выдала ей постоянный пропуск. Показала, где расписаться, и повела к дальше. По дороге Лика старалась идти аккуратно. Не задевать стены, не ронять сумку, не смотреть на камеры. В камеры, под камеры и ни за что на свете, за камеры. Черт бы их побрал. Но камеры смотрели на неё первыми. Они были везде. Маленькие чёрные полукруги под потолком, над дверями, в углах. Лика чувствовала себя не сотрудницей, а героиней шоу. Где зрителям в прямом эфире показывают, как блондинка пытается не упасть. А ведь она

пыталась, честно!

— Камер много, — заметила она.

— Марк Андреевич любит безопасность.

— А люди?

— Людей он тоже любит безопасных. В безопасности.

Лика решила, что это слишком глубокая фраза для первого утра, и промолчала.

На последнем этаже было тихо. Так тихо, что собственное дыхание казалось нарушением режима. Зинаида Петровна довела её до двери напротив кабинета Марка. Вчера Лика эту дверь не заметила. Сегодня на ней висела аккуратная табличка: «Л. В. Соболева. Административный помощник».

Лика остановилась.

Табличка была настоящая. Металлическая. С её именем.

Странное чувство сжало горло. У неё давно не было ничего «её». Квартира съёмная. Мебель чужая. Работа временная. Уверенность в себе давно просрочена. А тут вдруг дверь, табличка, должность и даже пропуск. Постоянный! Пусть в охранном агентстве странного человека в плаще, но всё равно.

— Это мой кабинет? — спросила она осторожно.

— Ваш, — подтвердила Зинаида Петровна. — Марк Андреевич распорядился подготовить вчера вечером. Очень срочно. Даже системного администратора поднял. Тот теперь заикается, но компьютер поставил.

Лика открыла дверь и застыла.

Кабинет был маленьким, но очень милым. Не роскошным, как у Марка. А светлым и почти уютным. Стол у окна. Новый компьютер. Удобное кресло. Полки. Канцелярия, разложенная в идеальном порядке. Всякие стильные ручки, стикеры, папки, скрепки, блокноты. На столе стоял букет золотисто-розовых роз. Нежных, тёплых, совсем не похожих на чёрный мир Марка Андреевича. Розы пахли летом, дорогим цветочным магазином и чем-то невозможным для Ликиной жизни.

Она подошла ближе и потрогала лепесток пальцем.

— Красивые, — выдохнула она.

— Марк Андреевич велел поставить, — подтвердила Зинаида Петровна. — Сказал: «Для адаптации объекта».

Лика медленно повернулась.

— Объекта?

— Ну, я думаю, он имел в виду сотрудника.

— А сказал «объекта».

— Он иногда забывает, что люди — не папки.

Это объясняло многое. Возможно, не всё, но многое.

Лика села за стол. Кресло не скрипнуло. Это было почти подозрительно. Она провела ладонью по поверхности, открыла первый ящик и обнаружила там аккуратно сложенные канцелярские принадлежности. Второй ящик тоже был нормальным. В нём лежали папки, файлы и блокнот с чёрной обложкой. Лика уже почти расслабилась, когда открыла третий.

В третьем ящике лежали бинокль, рация и книга «Как выжить шпиону. Практическое пособие для начинающих». Лика медленно закрыла ящик. Потом открыла снова.

Предметы не исчезли.

— Зинаида Петровна, — сказала она очень спокойно, потому что паника ещё выбирала, в какую сторону бежать. — У меня в столе бинокль.

— Это хорошо, милочка. Значит, ближнего наблюдения не предполагается.

— А рация?

— Для связи.

— С кем?

— В идеале — с теми, кто ответит.

Лика взяла книгу двумя пальцами, какдохлуюмышь, и прочитала название ещё раз.

— Это шутка?

Зинаида Петровна поправила очки.

— У нас шутками занимается Кирилл. Но если предметы разложены симметрично, значит, это Марк Андреевич.

В этот момент дверь напротив открылась.

Марк появился так тихо, будто материализовался из корпоративной тревожности. Чёрный костюм, чёрная рубашка, чёрные очки, волосы идеально уложены. Лицо спокойное, как сейф. Плаща сегодня на нём не было. Лика даже успела порадоваться. И тут же увидела, что плащ висит у него на руке. Значит, человек просто сделал паузу в образе.

Он вошёл в кабинет Лики без стука.

Лика вздрогнула.

— Доброе утро, Анжелика Владимировна.

— Доброе, — согласилась она. — А стучать у вас не принято?

— В экстренных ситуациях нет.

— У нас экстренная ситуация?

— Первый рабочий день всегда экстренная ситуация.

Зинаида Петровна деликатно исчезла. Причём так быстро, что Лика заподозрила у неё секретную подготовку. По вопросам бегства и эвакуации. Марк сел напротив, достал из внутреннего кармана маленький чёрный блокнот и ручку. Ручка щёлкнула в тишине как предохранитель.

Лика посмотрела на него. Потом на блокнот. Снова на него.

— Что вы делаете?

— Наблюдаю.

— За чем?

— За вашей реакцией.

— На что?

— На наблюдение.

Лика моргнула.

— Это замкнутый круг.

— Базовая модель поведения под давлением. Стыдно не знать, взрослая дама.

— Я думала, у меня должность административного по-

мощника, а не лабораторной мыши.

— Не исключайте карьерный рост. Не стоит.

Он сказал это абсолютно доброжелательно. С таким лицом, что Лика не поняла, была ли это шутка, угроза или кадровый план на квартал.

Она кивнула на ящик.

— Это вы положили бинокль?

— Да.

— Зачем?

— Чтобы вы привыкали к инструментам наблюдения.

— Я работаю с документами.

— Документы часто наблюдают за нами внимательнее людей.

— Это уже философия или симптом?

Марк что-то записал в блокнот.

Лика вытянула шею.

— Вы записали «хамит начальству»? — с ужасом спросила она.

— Я записал: «Сохраняет способность к юмору при стрессовом раздражителе».

Она замолчала. Потому что это был... почти комплимент. Очень странный. Завёрнутый в медицинскую салфетку. Но всё-таки комплимент.

— А розы? — решила она, сменить тему.

— Не я.

— Зинаида Петровна сказала, вы.

— Я распорядился. Покупал не я.

— Но цвет выбирали вы?

Марк посмотрел на букет. Чёрные очки скрывали глаза, но Лике показалось, что он смотрит на розы так же, как на неизвестное устройство. Красиво, но потенциально опасно.

— Мне сообщили, что этот оттенок называется золоти-сто-розовый. Он не агрессивен.

— Цветы редко агрессивны.

— У вас мало опыта с похоронными венками.

Лика раскрыла рот, потом закрыла. В кабинете на секунду стало тихо. Стало слышно, как компьютер вежливо гудит новой жизнью.

— Действительно, не много. Спасибо за цветы, — растеряно ответила она наконец.

— Для адаптации.

— Я поняла. Я объект. Меня адаптируют к среде.

— Вы сотрудница.

— Сотрудница с биноклем.

— Не все получают бинокль в первый день.

— Я должна почувствовать себя особенной?

— Желательно — внимательной.

Он встал.

Лика почему-то тоже едва не встала. Точно перед ней не начальник, а школьный директор. Марк подошёл к двери, остановился и повернулся.

— Дверь оставьте открытой.

— Почему?

— Так безопаснее.

— Для кого?

— Для всех.

И вышел.

Ли́ка осталась за новым столом, среди роз, рации, бинокля и книги для начинающих шпионов. Было твердое ощущение, что её приняли не на работу, а в закрытый кружок тревожных людей. Ну что ж. Это тоже было по адресу.

Первый час прошёл относительно спокойно. Зинаида Петровна принесла пачку договоров и объяснила, как их сортировать. Показала электронную базу. Принесла чай. Настоящий, с лимоном и двумя печеньями на блюде.

— Ешьте, милочка, — промурлыкала она. — У вас лицо голодное.

— Оно всегда такое.

— Нет. Иногда ещё испуганное.

Ли́ка взяла печенье и чуть не расплакалась. Глупо. Печенье не решало проблем. Не оплачивало операцию, не отменяло страх, не превращало Марка Андреевича в нормально-го начальника. Но оно было очень тёплым человеческим жестом. В здании, где даже стены, имели допуск к секретным данным.

— А он всегда такой? — спросила Ли́ка, кивнув в сторону открытой двери Марка.

— Какой?

— Ну... — Лика искала слово помягче и не нашла. — Чёрный.

Зинаида Петровна вздохнула.

— После обеда обычно ещё, чернее. Кофе заканчивается.

— Я имела в виду... контролирующий.

— Он боится не проконтролировать.

— Это диагноз?

— Это биография, милочка.

Больше Зинаида Петровна ничего не сказала. Только поставила чай ближе, поправила розы и ушла. Лика смотрела ей вслед и думала, что эта женщина знает о Марке больше, чем все камеры в здании. Вот только говорит дозированно, как врач — выдающий сильное лекарство.

К одиннадцати Лика уже разобрала первую пачку договоров. Трижды перепроверила фамилии, дважды чуть не отправила файл не туда, но вовремя остановилась. И даже почувствовала небольшую гордость. Компьютер быстрый. Клавиатура удобная. Автозамены не было. Почти счастье.

Потом она заметила первый жучок.

Он был приклеен под краем стола. Маленький, чёрный, аккуратный. Лика сначала подумала, что это какая-то деталь мебели. Потом наклонилась ниже. Затем ещё ниже. И стукнувшись лбом о столешницу, тихо выругалась.

Марк появился в дверях сразу.

— Что случилось?

Лика поднялась, держась за лоб.

— У меня стол разговаривает?

— Нет.

— Тогда почему под ним жучок?

— Не жучок. Микрофон.

— Простите, конечно, но это не улучшает ситуацию.

Марк вошёл, присел перед столом, проверил устройство и так же спокойно встал.

— Работает.

— Это прекрасно. Я очень рада за его карьеру. А моя личная жизнь? Под столом?

— В рабочее время ваша личная жизнь не должна находиться под столом.

Лица уставилась на него.

— Да половина меня постоянно под столом! Нижняя половина! Вы понимаете, как это звучит после моего сопроводительного письма?

Пауза.

Марк медленно снял ручку с блокнота.

— Отмечу: ассоциативное мышление активное.

— Отмечайте ещё: сотрудница в лёгкой панике. Которая медленно переходит в тяжелую.

— Лёгкая паника продуктивнее тяжёлой.

— Марк Андреевич, вы поставили мне микрофон под стол! Я – женщина!

— Не только под стол. Быть женщиной не запрещается.

Лица замерла.

— Что значит «не только»?

Он промолчал. А вот стекла очков как-то нехорошо блеснули!

Лица медленно оглядела кабинет. Розы на столе. Компьютер. Полки. Картина с абстрактными линиями на стене. Настольная лампа. Книга «Как выжить шпиону». Бинобль. Рация. Ваза. Её взгляд вернулся к розам.

— В цветах тоже?

— Один.

— Один?!

— В целях контроля качества воздуха.

— Вы хотите сказать, розы меня прослушивают ради экологии?

— Я хочу сказать, что вы слишком громко думаете.

Она открыла рот. Закрыла. Потом снова открыла.

— Я увольняюсь.

— Нет.

— Что значит «нет»?

— Контракт подписан.

— Там не было пункта «сотрудница соглашается быть комнатным растением под наблюдением».

— Был пункт о внутреннем регламенте безопасности.

— Я его не читала.

— Это тоже зафиксировано.

Лица почувствовала, что ещё немного — и она начнёт смеяться. Или кричать. Или то и другое сразу. Обычно, в

первый день такое производило неоднозначное впечатление.

— Я не могу работать, когда меня записывают, — пробормотала она уже тише. — Это неприятно. Особенно, с нижней части туловища.

Марк молчал несколько секунд. Впервые за утро его молчание не казалось механическим. Он выбирал слова, а не просто доставал их из сейфа.

— Записи защищены, — признался он. — Доступ только у меня.

— Это должно меня успокоить?

— Мне бы хотелось, что—да.

Вот это было странно. Не фраза даже. Интонация. Не начальственная.

Лица посмотрела на него внимательнее. Чёрные очки, каменное лицо, ровная осанка. А под всем этим — что-то напряжённое. Он не просто развлекался своим тотальным контролем. Ему правда было важно знать, что с ней всё в порядке. Вот только выбранный им способ был таков, что клетка для хомяка казалась пространством свободы.

— Марк Андреевич, — осторожно попыталась разъяснить Лица, — вы понимаете, что забота и слежка — не одно и то же?

Он застыл. Совсем чуть-чуть.

— А в моём опыте, второе часто эффективнее первого.

— А в моём, второе иногда называют по-другому.

Она не сказала «поводок». Не сказала «Артём». Но тень

этого имени будто прошла между ними. Марк не спросил. И за это Лика была ему благодарна.

Он медленно кивнул.

— Хорошо. Микрофон под столом отключат.

— А в розах?

— Оставим.

— Почему?!

— Розы ближе к окну. Там мёртвая зона.

— У меня в кабинете мёртвая зона?

— Больше не будет.

Он вышел, оставив Лику с ощущением, что она не победила. Но хотя бы отвоевала территорию под столом. Маленькая свобода. Ногами пользоваться можно без аудиозаписи.

К обеду она уже знала, что Марк ходит бесшумно, появляется внезапно и умеет смотреть через стеклянную стену. Даже компьютер начинал работать аккуратнее, при его приближении. Двери их кабинетов оставались открытыми. Лика видела его почти постоянно. То за столом. То у окна. Рядом с картой города. Иногда он разговаривал по телефону короткими фразами: «Проверьте». «Нет». «До конца дня». «Уберите хвост». Последняя фраза заставила Лику потрогать свои волосы. Проверить, не о ней ли речь.

В двенадцать тридцать она решила пойти в столовую. Не потому, что была голодна. Хотя была. Ей нужно было выйти из кабинета. Розы доносили о её настроении.

Она взяла пропуск, вышла в коридор. Почти сразу услы-

шала за спиной шаги.

Марк.

Она повернулась. Он остановился.

— Вы куда?

— В столовую.

— Зачем?

— Обычно там едят.

— Вы могли попросить Зинаиду Петровну принести еду.

— Я и сама могу пройти двадцать метров.

— Семнадцать.

— Вы измеряли?

— Да.

Ли́ка посмотрела на него, потом на коридор.

— Вы идёте со мной?

— У меня тоже обед.

— Случайно?

— Планово.

Они пошли вместе. Точнее, Ли́ка шла впереди, а Марк рядом и чуть позади. Как персональный мрачный ангел-хранитель, назначенный без согласования. В столовой сотрудницы тут же притихли. Не сильно. Достаточно, чтобы Ли́ка поняла, что появление Марка Андреевича среди простых смертных было событием. Возможно, как солнечное затмение. Красиво, страшно и лучше не смотреть напрямую.

Ли́ка взяла гречку, котлету и чай. Марк взял чёрный кофе.

— Это весь ваш обед? — не удержалась она.

— Да.

— Вы питаетесь как человек, который давно продал душу кофеину.

— Душа не входит в рацион.

— Понятно.

Она села за стол у окна. Марк сел за соседний. Достаточно близко, чтобы видеть её тарелку. Достаточно далеко, чтобы делать вид, что это совпадение.

Ли́ка попыталась есть спокойно. Не получалось. Когда за соседним столом сидит начальник в чёрных очках и пьёт кофе, все меняется. Даже котлета теряет вкусовые качества и начинает выглядеть как улика.

Через две минуты в столовую вошёл мужчина лет двадцати восьми. Шатен, карие глаза, ямочки на щеках. Лёгкая улыбка человека, который в любой ситуации сначала найдёт повод для шутки, а потом уже пожарный выход. Он увидел Марка, Ли́ку, просиял и направился к ним.

— О, — сказал он. — Значит, легендарная сотрудница уже приступила к операции «Постельный режим».

Ли́ка подавилась чаем. Марк медленно повернул голову.

— Кирилл.

— Всё, молчу, — отмахнулся Кирилл, но не замолчал. — Я просто хотел познакомиться. Кирилл, заместитель этого чёрного облака. Не бойтесь, он только выглядит как человек, который пишет завещания за других. Внутри он почти плюшевый.

— Выйди, — прошипел Марк.

— Понял. Атмосфера интимного наблюдения. Не мешаю.

Кирилл подмигнул Лике и мгновенно исчез. Правда, уже из дверей донеслось тихое хихиканье. Марк сделал вид, что не слышит. Лика сделала вид, что не хочет провалиться под стол. Стол, возможно, тоже был с микрофоном, поэтому проваливаться туда не стоило.

— Он всегда такой? — сквозь зубы спросила она.

— Нет.

— Бывает хуже?

— Случается разное.

Лика впервые за день почти расслабилась. Кирилл выглядел человеком из нормального мира. Где смеются, подмигивают и не ставят жучки в розы. Хотя кто знает. В этой компании нельзя было доверять даже канцелярским скрепкам.

После обеда началась вторая серия наблюдения. Лика пошла в архив — Марк появился у стеллажей. Лика пошла к принтеру, Марк оказался у окна неподалёку. Лика вышла к кулеру, Марк уже наливал себе воду. Хотя его рацион состоял только из кофе и контроля. Когда Лика направилась в сторону туалета, он тоже сделал шаг.

Она остановилась и подняла ладонь.

— Нет.

Марк замер.

— Что «нет»?

— Туда вы не идёте.

— Я не собирался.

— Вы сделали шаг.

— Коридор общий.

— Сейчас он станет очень личным.

Несколько сотрудников, проходивших мимо, внезапно заинтересовались стенами. Марк посмотрел на Лику. Чёрные очки скрывали глаза, но пауза была красноречивая.

— Пять минут, — жестко приказал он.

— Что?

— Если вас не будет дольше пяти минут, я отправлю Зинаиду Петровну.

— Марк Андреевич, это туалет, а не вражеская территория.

— Иногда разница минимальна.

Лику решила не уточнять, какие именно события в его жизни привели к этой философии. Она просто вошла в женскую комнату, закрыла дверь и впервые за день осталась без наблюдения. Наверное. Хотя на всякий случай проверила потолок, зеркало и держатель для бумажных полотенец. Своё отражение в зеркале она оценила критически. Глаза большие, волосы выбились из пучка, на щеке след от шариковой ручки. Потому что она подпирала лицо, пока работала. Вид у неё был точно первый день действительно проходил на передовой. Только вместо каски ей выдали стикеры.

— Ты справляешься, — подбодрила она себя. — Плохо, под наблюдением, но справляешься.

Когда она вышла, Марка в коридоре не было. Лика даже обрадовалась. На три секунды. Потом увидела его отражение в стеклянной стене переговорной. Он стоял у окна и разговаривал по телефону. Голову повернул ровно в тот момент, когда она появилась.

Он не отводил взгляд. Даже через чёрные очки это чувствовалось. Не мужской взгляд, от которого хочется спрятаться, потому что он раздевает или оценивает. Нет. Марк смотрел так, будто считал её пульс, маршрут и вероятность внезапного исчезновения. И всё равно Лике стало не по себе. Потому что внимание, даже не пошное, всё равно оставалось вниманием. А она давно от него отвыкла. И не собиралась привыкать. Пока.

К трём часам она окончательно устала. Не от документов. Документы были даже приятными. Они хотя бы не носили очки и не появлялись за спиной. Устала она от ощущения, что находится в центре невидимой сетки. Каждый шаг отмечен, движение замечено, реакция записана в блокнот. Где, возможно, уже было: «Объект ест гречку медленно. На Кирилла реагирует кашлем. К туалету относится агрессивно».

Она встала, взяла заявление на увольнение из интернета, открыла документ и начала печатать.

«Прошу уволить меня по собственному желанию...»

Компьютер ничего не исправил. И это было счастье.

— Нет, — сказал Марк из дверей.

Лика подпрыгнула.

— Вы вообще когда-нибудь издаёте звук заранее? Кашляете? Шуршите плащом? Кричите «я иду»?

— Зачем?

— Чтобы люди доживали до зарплаты.

Он вошёл и посмотрел на экран.

— Увольнение не согласовано.

— Оно по собственному желанию.

— Ваше собственное желание находится в стрессовой фазе.

— Моё собственное желание хочет домой, под плед и без микрофонов.

— Контракт подписан. Вы — моя сотрудница.

— Это звучит как захват заложника.

— И, кажется, моя проблема, — добавил он.

Лица замолчала. Не потому что фраза была мягкой. Она была совершенно марковской. Но почему-то в ней не было раздражения. Скорее признание факта. Как будто он действительно решил, что теперь Лица — его проблема. А проблемы Марк Андреевич Белозёров не бросал. Он их окружал камерами, заносил в папку и пытался обезвредить.

Из коридора донеслось приглушённое хихиканье. Кирилл стоял в дверях, прислонившись к косяку. Улыбался широко.

— Простите, я просто шёл мимо и услышал романтическое: «Вы моя, сотрудница». Марк, тебе осталось сказать: «И я буду охранять тебя от всего мира, вечно».

— Кирилл, — вскинул подбородок Марк.

— Уже ухожу. Анжелика Владимировна, если он начнёт дарить вам тревожную кнопку вместо цветов, это у него почти признание в симпатии.

— Выйди.

— Выхожу. Но наблюдаю за наблюдателем.

Кирилл исчез. Марк медленно повернулся к Лике.

— Не слушайте его.

— А тревожная кнопка будет?

— Уже заказал.

Лика закрыла глаза.

— Конечно.

— Маленькая. Удобная. Розовая.

Она открыла глаза.

— Розовая?

— Цвет не агрессивен.

Лика не знала, что делать с этим человеком. Бояться его было логично. Смеяться над ним было опасно. Благодарить — преждевременно. Но что-то внутри предательски теплело от того, что он запомнил розовый. Даже, если запомнил в целях безопасности, адаптации объекта и минимизации стрессовых факторов.

Рабочий день закончился в шесть. К этому времени Лика разобрала документы, внесла данные в базу, три раза подписала не там, где надо. Но вовремя исправила, выпила два чая, съела одно печенье и нашла ещё два жучка. Один в настольной лампе, второй в книге «Как выжить шпиону». Послед-

ний был особенно наглым. Он будто говорил: «Совет первый — вы уже не выживете». Лика жестко захлопнула книгу и очень несправедливо хлопнула ею по столешнице. Как пощечину дала. Известно, кому.

Марк весь день был рядом. Не всегда физически, но как давление воздуха перед грозой. Если он уходил, в кабинете оставалось его присутствие. Если возвращался, Лика замечала это раньше, чем слышала шаги. В какой-то момент она поймала себя на том, что ждёт, когда он появится в дверях. Не потому, что хотела. Просто день уже выработал рефлекс. Пугало.

Перед уходом Зинаида Петровна принесла ей маленький контейнер.

— Пирожки, — с уважением сказала она. — С капустой. Домой возьмёте.

— Спасибо, — Лика растерялась. — Но я не могу...

— Можете. У нас тут так принято. Я кормлю тех, у кого глаза грустные. Марк Андреевич делает вид, что это не часть системы безопасности.

Лика улыбнулась. Первая настоящая улыбка за день.

— Спасибо вам.

— Завтра будет легче.

— Потому что я привыкну?

— Нет. Потому что вы уже будете знать, где жучки.

Это было утешение в стиле «не бойтесь, второй раз операция проходит быстрее», но Лика всё равно взяла контейнер.

На улице вечер был серым, влажным и шумным. Лика дошла до остановки, села в автобус и устроилась у окна. Ноги гудели. Голова тоже. В сумке лежали пирожки, пропуск, выключенный телефон и ощущение, что она случайно устроилась на работу в чужой шпионский сон.

Автобус тронулся. Лика смотрела на город за стеклом. Люди шли под зонтами, машины стояли в пробках, рекламные вывески мигали, вечер постепенно растворял центр в грязно-золотом свете. Она чувствовала усталость, но не привычную пустую. Не ту, что приходит после дня, в котором ты только выживал. Эта усталость была другой. В ней было движение. Страх. Раздражение. И странное, совершенно неуместное любопытство.

На третьей остановке она заметила чёрную машину.

Сначала просто краем глаза. Большой чёрный автомобиль шёл за автобусом в соседнем ряду. Стёкла тёмные. Номер она не разглядела. В обычный день Лика бы не обратила внимания. Но после кабинета с микрофонами и розами мозг уже работал в режиме «всё подозрительно, включая голубя».

На четвёртой остановке машина всё ещё была рядом.

На пятой тоже.

Лика села прямее.

Старый страх тут же проснулся, встряхнулся и встал во весь рост. Её когда-то уже сопровождали. Не так. Не на чёрной дорогой машине. Артём мог ждать у подъезда, стоять у магазина, появляться рядом с остановкой. Он называл это

«я переживаю». Потом «я контролирую, потому что ты без меня пропадёшь». Потом просто перестал объяснять.

Ли́ка сжала ручку сумки.

— Нет, — прошептала она себе. — Это не он. Это город. Тут много чёрных машин. У людей бывает плохой вкус.

Автобус повернул к её району. Чёрная машина повернула следом.

Ли́ка почувствовала, как холодеют ладони. Хотелось включить телефон, но она вспомнила про Т9. Решила, что в критической ситуации он способен отправить в полицию: «Меня преследует комета». Хотя, возможно, полиции уже всё равно.

Когда автобус остановился у её остановки, Ли́ка вышла вместе с пожилой женщиной и парнем в наушниках. Она старалась идти спокойно. Не оборачиваться резко. Не выглядеть испуганной. Испуганных замечают. Это она знала слишком хорошо.

Чёрная машина остановилась у её подъезда.

Ли́ка замерла возле лавочки.

Машина стояла. Двигатель работал тихо. Двери не открывались. Никто не выходил. Тёмное стекло со стороны водителя отражало двор, мокрые кусты, детскую площадку и саму Ли́ку. Маленькую, напряжённую, с контейнером пирожков в сумке. Готовую в любой момент бежать. Хотя бежать было некуда.

Мину́ту ничего не происходило. Потом машина тронулась

и медленно уехала за угол. Лика выдохнула так резко, что у неё закружилась голова.

— Просто совпадение, — бормотала она. — Просто богатые люди тоже живут в плохих районах. Очень богатые. И заблудившиеся.

Она поднялась к себе на третий этаж, закрыла дверь на два замка, потом на цепочку. Проверила ещё раз. В квартире было холодно и привычно. Обои цвета старого печенья, стол, ноутбук, батарея-философ. Всё на месте. Всё её. Или почти её.

Лика поставила пирожки на стол, включила телефон и подошла к окну.

Во дворе горел фонарь. Дождь опять начинался мелкой пылью. Кусты у дальнего края двора шевелились от ветра.

И там, в тени, стояла чёрная машина.

Та самая. Не уехала. Просто сменила позицию. Лика замерла у окна. Страх поднялся первым. Острый, знакомый, холодный. Но следом пришло другое чувство. Странное. Непрошеное. Почти смешное. Ей стало интересно. Кто сидел в машине? Марк? Его человек? Камера на колёсах? Забота с затемнёнными стёклами?

Она стояла в темноте кухни и смотрела вниз. Пока телефон в её руке не мигнул новым сообщением.

От неизвестного номера.

«Дошли до квартиры?»

Лика долго смотрела на экран. Потом перевела взгляд на

машину в кустах. Потом обратно на сообщение. И вдруг поняла, что первый день на передовой закончился.

А война, кажется, только начиналась.

Глава 4

Глава 4. СЛУЧАЙНЫЙ БРАК

К концу третьего рабочего дня Лики поняла, что в охранном агентстве «Белозёров и партнёры» слово «нормально» считалось ругательством.

Нормальные люди приходили на работу, пили кофе, раскладывали документы, обсуждали погоду и тихо ненавидели понедельник. У Лики рабочий день начинался с проверки, не появился ли новый микрофон в цветах, продолжался под взглядом начальника в чёрных очках и заканчивался сообщением от неизвестного номера: «Дошли ли до квартиры?» На следующий день сообщение повторилось. На третий тоже. Иногда менялась формулировка. «Вы дома?» «Закройте окно». «Не стойте долго у подъезда». Но смысл оставался прежним. Марк Андреевич Белозёров знал о ней больше, чем её собственный холодильник.

Холодильник, впрочем, тоже знал слишком много. Например, что в жизни Лики снова наступила эпоха гречки. Она пыталась злиться. Получалось. Иногда. Особенно когда замечала чёрную машину у остановки, аптеки, своего двора. Машина то исчезала, то появлялась снова. Как нечистая совесть, только с тонированными стёклами. Марк ничего не

объяснял. На вопросы отвечал коротко: «Так надо». Это была его любимая фраза. В ней помещались забота, паранойя, самоуправство и полный отказ от человеческого диалога.

Вечером в пятницу офис опустел раньше обычного. За окнами темнело, город расплывался в мокром стекле. Лифты увозили последних сотрудников вниз, к свободе, семьям, магазинам и нормальным ужинам. Лика сидела в своём кабинете напротив Марка, закрывала электронную базу. Хмуро думала о том, как бы добраться домой, не заметив очередную чёрную машину. Это была новая форма психологической гимнастики. Не видишь слезку, возможно, её нет. Прекрасный метод. Очень подходил для людей, которые в детстве закрывали глаза под одеялом и верили, что монстр тоже соблюдает правила.

Она уже потянулась за сумкой, когда на столе ожил внутренний телефон.

Лика вздрогнула.

Эта штука звонила редко. Обычно Зинаида Петровна писала в чат или заходила сама. С чаем, пирожками и выражением лица «я всё знаю, но пока помолчу». Внутренний телефон был тревожным предметом. Как красная кнопка. Или письмо из налоговой. Или то и другое одновременно.

— Соболева, — официально представилась Лика. Общаюсь как деловой человек, а не как хомяк в аквариуме.

— Ко мне, — приказал Марк.

И отключился. Лика посмотрела на трубку.

— Конечно, — обиженно сказала она пустому кабинету. — Зачем тратить слова на «пожалуйста», если можно сразу призвать. Как на казнь.

Она взяла сумку, потом передумала и оставила. Снова взяла. Если это увольнение, сумка пригодится. Если не увольнение, тоже. Там лежал телефон. А он, несмотря на все свои преступления, был единственным свидетелем её жизни.

Дверь кабинета Марка оставалась открыта. Но внутри было темнее, чем обычно. На последнем этаже уже погасли почти все светильники. Настольная лампа на его столе отбрасывала тёплый круг света на папку, лежавшую строго по центру. Всё остальное тонуло в полумраке. Чёрная кожаная мебель, стеллажи, карты на стенах, линии маршрутов, фотографии зданий. Даже серое отражение города в панорамном окне. Стены как будто сдвинулись ближе. Кабинет давил. Молчал. Ждал. В общем, вел себя отвратительно.

Марк сидел за столом. Без плаща. Но в чёрной рубашке, чёрном костюме и, разумеется, чёрных очках. Лика уже почти привыкла к этим очкам. Почти. Они стали частью образа. Как ощущение, что тебя проверяют на детекторе лжи даже тогда, когда ты просто дышишь. И ничего, слава тебе Господи, не делаешь. Даже в хорошем смысле.

— Закройте дверь, — сурово приказал руководитель, сдвинув пальцев черные очки на кончик носа.

Лика замерла.

— Зачем?

— Разговор конфиденциальный.

— У вас все разговоры одинаковы. «Доброе утро» звучит как государственная тайна.

— Анжелика Владимировна!

Она закрыла дверь. Щелчок замка прозвучал слишком громко. Окончательно и очень двусмысленно. Внутри тут же поднялась старая добрая паника. Дверь закрыта. Мужчина рядом. Поздний вечер. Никого нет. Кроме Марка. Руководитель не повышал голоса. Никогда не хватал её за руку. И не подходил близко без необходимости. Но тело не любило деталей. Оно реагировало на закрытую дверь и мужскую фигуру, в полутьме.

Марк поднял голову.

— Сядьте.

Лица не села.

— Сначала скажите, меня увольняют?

— Нет.

— Тогда почему так страшно?

— Потому что ситуация неприятная.

Ответ был честным. И ужасным.

Лица медленно опустилась в кресло. Сумку поставила на колени, как щит. В кабинете было очень тихо. Даже город за стеклом казался выключенным. Марк положил ладонь на папку. Пальцы у него были ровные, красивые и слишком уверенные. Он умел контролировать даже собственные руки.

Ли́ка в этот момент едва контролировала колено, которое хотело нервно дёргаться. И дергалось. Будьте спокойны!

— Что случилось? — хрипло простонала она.

Марк молчал несколько секунд. Потом вдруг снял очки. Взял двумя пальцами за дужку и снял.

Ли́ка перестала думать.

У него были ярко-голубые глаза. Не холодные, как она представляла. Не ледяные. Очень светлые. Почти невозможные на таком строгом лице. И усталые. Очень. В них было слишком много бессонных ночей, недоверия, потерь. Чего-то, что он прятал не от людей даже, а от самого себя. Без очков Марк не выглядел мягче. Он был опасным. Но теперь опасность стала ожила. Стала человеческой. Уязвимой там, куда он никого не пускал.

Ли́ка не сразу отвела взгляд. А когда отвела, было уже поздно. Она увидела. И теперь не могла развидеть.

— Вы сняли очки, — грустно сказала она и отвернулась.

— Я знаю.

— У вас глаза.

— Неожиданно, правда?

— Я не это имела в виду.

— Надеюсь.

Она почувствовала, что краснеет. В кабинете, где воздух был натянут как струна. Организм Ли́ки выбрал самый неподходящий момент, чтобы вспомнить о смущении. И она покраснела. С ног до головы. Вся. Уши и колени тоже.

Марк положил очки на стол. Ровно. Параллельно папке.

— За вами охотятся, — как бы невзначай обронил он.

И весь странный уют смущения умер. Лица сжала сумку.

И заледенела.

— Что?

— За вами охотятся.

— Кто?

— Я пока не знаю.

— Тогда откуда вы знаете, что охотятся именно за мной?

Марк открыл папку и развернул к ней несколько фотографий. Лица посмотрела. На первой был её подъезд. На второй — остановка. На третьей — вход в аптеку, куда она заходила за лекарствами для мамы. На четвёртой — она сама, снятая издалека. Светлые волосы, серая куртка, пакет в руке. Качество было плохое, но это точно была она.

Кожа на спине стала ледяной.

— Это вы снимали? — спросила она тихо.

— Нет.

— А кто?

— Тот, кто не хотел, чтобы я это нашёл.

Лица посмотрела на фото. Потом на Марка. Его глаза теперь казались ещё светлее в темноте.

— Может, это вы сами подстроили? — начала она язвительно, но голос предательски дрогнул. — Чтобы меня запугивать.

Марк не обиделся. Даже не изменился в лице.

— Хороший вопрос.

— Это не хороший вопрос. Отвратительный вопрос. Но я уже не знаю, что здесь нормально. А что — нет.

— Нормально — сомневаться.

— Тогда я очень нормальная. Я прямо во всем уже сомневаюсь.

Он положил рядом ещё один лист. Распечатка с маршрутом. Точки. Время. Её дом, офис, аптека, магазин, остановка.

— Ваши перемещения фиксировали не только мои люди, — разъяснял Марк. — У подъезда была чужая машина. Два раза. Один и тот же водитель. Сегодня утром охранник заметил мужчину возле входа в здание. Он наблюдал за вами. Не за офисом. За вами. Профессионально.

Лица сглотнула. В голове сразу всплыл Артём. Его сообщение. «Жива?» Короткое, липкое, как грязь. Она заблокировала его. Но блокировка не была бронёй. Просто кнопкой. Очень маленькой кнопкой против человека, который считал её своей вещью.

— Артём? — спросила она почти беззвучно.

Марк не переспросил. Значит, уже знал имя. Конечно, знал. Наверняка в папке «Дело Лики» был отдельный раздел: «Бывший. Высокий риск. Уничтожить при необходимости». Мысль должна была напугать. Вместо этого почему-то стало немного легче.

— Возможно, — неохотно ответил он. — Но пока доказательств нет. И возможно, не он лично. У него есть ресурсы. Связи. Люди, которые могут делать грязную работу.

Ли́ка закрыла глаза.

Внутри всё сжалось. Она сидела в дорогом кабинете, под лампой, напротив мужчины с ярко-голубыми глазами, а сама снова оказалась там. В старой квартире Артёма. В прихожей. В углу. Когда он стоял слишком близко и говорил страшные слова. Тихо: «Ты всё равно вернёшься. Такие, как ты, без меня не живут». Она тогда почти поверила. И три года доказывала себе обратное.

— Вы уверены? — спросила она. — Может, это совпадение.

— Совпадения бывают раз. Два — это схема. Три — уже угроза.

— У меня жизнь вся из схем и угроз.

— Именно поэтому я вызвал вас.

Марк достал из папки другие документы. С закладками. На верхнем листе были её имя и его фамилия.

Ли́ка наклонилась. И прочитала. «Брачный договор». Она долго смотрела на эти два слова.

Потом медленно подняла глаза.

— Простите, я, кажется, получила черепно-мозговую травму от ваших роз. Что это?

— Брачный договор.

— Вижу. Я спрашиваю, почему он лежит передо мной, а не на психиатрической экспертизе.

— Потому что вам нужна защита.

— А брак — это у нас теперь форма бронежилета?

— В вашем случае — да.

Лица засмеялась. Коротко, нервно, совсем не весело. Смех вырвался, потому что мозг отказался обрабатывать реальность без аварийного выхода.

— Марк Андреевич, вы сейчас предлагаете мне выйти за вас замуж?

— Да.

— Фиктивно?

— Формально — законно. Фактически — фиктивно.

— Это хуже, чем я думала.

— Это лучше, чем другие варианты.

— Какие другие варианты?

— Круглосуточная охрана без вашего согласия. Принудительное размещение в безопасном месте. Стирание личности и всех данных. Или ожидание. Когда тот, кто за вами наблюдает, сделает следующий шаг.

— Принудительное размещение? Вы себя слышите?

— Да.

— И вам нормально?

— Нет.

Это остановило её. Марк не смотрел в сторону. Не прятался за очками. Его усталые голубые глаза были направле-

ны прямо на неё, и в них не было удовольствия. Ни грамма. Он не наслаждался контролем сейчас. Не играл в шпиона. Выглядел как человек, который выбрал самый невозможный план из всех плохих. Исключительно потому, что остальные были ещё хуже.

— Брак даст мне законное основание быть рядом круглосуточно, — разъяснил он. — Право принимать решения в экстренных ситуациях. Доступ к части медицинской информации, если вы окажетесь без сознания. Возможность оформлять охрану без согласований, сопровождать вас там, где работодателя не пустят. Мужа пустят. Везде. Даже в морг.

Слово «муж» ударило странно. Как-то очень приятно. Даже более чувствительно, чем слово морг.

Ли́ка никогда не представляла себе мужа. После Артёма само слово казалось опасным. Муж — это тот, кто имеет право. На время, тело, молчание. Твои оправдания. Чувства. Конечно, умные люди говорили, что это не так. Брак бывает про любовь, партнёрство, заботу, общий плед и смешные переписки. Но у Ли́ки в памяти оставалась другая картинка. Закрытая дверь, чужая злость. Её тонкий голос, который просит не кричать.

— Нет, — решительно сказала она.

Марк кивнул так, будто ожидал.

— Хорошо.

— Хорошо?

— Я не заставляю.

— Очень убедительно! Учитывая папку, фото и брачный договор.

— Я предлагаю.

— Вы предлагаете так, будто уже всё решили.

— Я всё просчитал. Это другое.

— Это не другое. Просто давление вы называете расчетом.

Он молчал. Тишина снова стала удушающей. Ли́ка чувствовала, неприятный холодок в груди. Хотелось уйти. Встать, открыть дверь, выйти в коридор, спуститься вниз, сесть в автобус и вернуться в свою холодную квартиру. Где хотя бы всё было понятно. Бедность. Страх. Гречка. Батарея-философ. Чёрная машина в кустах. Блин!

Чёрная машина. Фотографии. Артём. Мама. Операция.

Ли́ка сжала пальцы до боли.

— Почему вы вообще этим занимаетесь? — всхлипнула она. — Работаю у вас третий день. Я никто.

— Вы моя сотрудница.

— Вы всем сотрудницами предлагаете брак на третий день?

— Нет.

— Значит, я особенная?

— Значит, ситуация особенная.

— Неправда, — прошептала она. — Вы недоговариваете.

Марк отвёл взгляд первым. Всего на секунду. Но Лика заметила. Он посмотрел в окно. На город в редких огнях и тревожную темноту за стеклом.

— Я не люблю терять людей, за которых отвечаю, — неохотно ответил он.

— Вы за меня не отвечаете.

— Уже отвечаю.

— Кто вас назначил?

— Я.

В другое время она бы рассердилась. Сейчас сил на злость не хватало. Его ответ был самонадеянным, невозможным, марковским до последней буквы. И всё же в нём было не только желание владеть ситуацией. Там была боль. Спрятанная. Закованная в чёрный костюм. Но живая.

— Вы безумны, — обвинительно покачала Лика головой.
— Чокнутый.

— Возможно.

— Это плохое качество для мужа.

— Для фиктивного — терпимое.

Она почти улыбнулась. Но вместо этого получился вздох.

— Я не могу выйти замуж за начальника, который ставит жучки в розы.

— Жучки убрали.

— Не все.

— Стратегически важные остались.

— Вот именно.

Марк подвинул к ней ещё один лист.

— Финансовые условия.

Ли́ка не хотела смотреть. Правда, не хотела. Потому что знала. Цифры они такие, опаснее уговоров. На уговоры можно сказать «нет» из гордости. На цифры, когда у мамы больные почки, гордость смотрит молча и отходит в сторонку.

Она всё-таки посмотрела. Сумма была большой. Очень.

Не сказочной для Марка, возможно. Для него что-то вроде: «Не забыть купить кофе». Для Ли́ки — операция, лекарства, реабилитация, аренда, долги. Ну, часть долгов. Возможность не выбирать между маминой жизнью и собственной едой. Цифры расплылись перед глазами. Она моргнула. Потом ещё раз.

— Это за что? — спросила она хрипло. Отчасти не веря своим глазам.

— Компенсация.

— За брак?

— За риски. Переезд. Нарушение вашего привычного режима жизни. За участие в операции.

— В операции?

— По вашей защите.

— Вы даже фиктивный брак называете операцией.

— Так проще.

— Кому?

— Мне.

Ли́ка закрыла лицо руками. Ладони были холодные. А внутри всё гудело. Безумие. Абсолютное. Так не бывает. Нельзя прийти на работу из-за ошибки Т9, а через три дня получить предложение фиктивного брака от начальника в чёрном кабинете. Нельзя. Даже в её жизни, где телефон считал «кампанию» постелью, должен был быть предел абсурда.

Но на столе лежали фотографии. И брачный договор. С предложением финансового решения проблем.

А дома были мамины анализы. Счета. Пустой кошелёк. И гречка. Немного, но была.

Ли́ка убрала руки от лица.

— Если я соглашусь, — спросила она, и голос прозвучал чужим, — это будет фиктивно.

— Да.

— На бумаге.

— Да.

— Без... — она запнулась.

Марк не помогал. Просто ждал. Ли́ка заставила себя договорить:

— Без секса.

Сказать это вслух оказалось тяжелее, чем она думала. Не потому что стыдно. Хотя стыдно тоже. А потому что за этим стояло слишком много прошлого. Артём когда-то сделал её тело территорией страха. Местом, где она не чувствовала себя хозяйкой. И сейчас ей нужно было поставить границу сразу. Жёстко. До того, как любой мужчина решит, что брак —

это право, а не просьба.

— Без секса, — повторила она твёрже. — Без поцелуев. И попыток меня «раскрепостить». Без внезапных касаний, проверок, семейных обязанностей и фраз. Вроде: «Ты же моя жена». Я не умею любить. И не хочу учиться.

Последняя фраза прозвучала резко. Зло. Она сама не ожидала.

Марк смотрел на неё без очков. И это было невыносимо. В его глазах не было насмешки, обиды или мужского раздражения. Только что-то тёмное и очень личное.

— Договорились, — подтвердил он.

Просто. Без торга и всяких «но».

Лица почему-то почувствовала, как подкашиваются ноги. Она ожидала другого. Давления. Слов: «Я не такой». Ненавистная фраза. Все, кто её произносил, обычно были именно такими. Марк ничего не доказывал. Он принял условие. Ее условия.

— И ещё, — быстро проговорила она, пока он не передумал. — У меня будет своя комната. С замком.

— Да. Хоть с двумя.

— И я смогу уйти, если захочу.

— Да.

— Правда?

— Правда.

— Даже, если вы решите, что это небезопасно?

Марк молчал. Потом протянул, совершенно безрадостно:
— Я попытаюсь вас отговорить.

— Марк.

Впервые она назвала его без отчества. Слово сорвалось само. Он заметил. По глазам было видно.

— Да, — сказал он после паузы. — Даже если я решу, что это небезопасно. Вы сможете уйти.

Лица медленно выдохнула.

Она не верила полностью. Доверие у неё было стеклянной пылью от вазы, которую долго топтали. Но его ответ был важен. Очень.

— Тогда, я согласна, — зажмурившись сказала она.

Слова упали между ними, как ключи. В тишине подъезда.

Марк не улыбнулся. Не сказал ничего романтического, слава богу. Он просто развернул к ней договор и положил рядом ручку.

— Прочитайте. И подпишите. Если все вышеизложенное вам подходит.

Лица посмотрела на листы. Буквы прыгали. Пункты, подпункты, условия, компенсации, конфиденциальность, сроки, проживание, охрана. Она понимала, что должна читать. Нормальные люди читают документы. Особенно брачные. Тем более, если их предлагает начальник с привычкой ставить микрофоны в цветы.

Но она видела только сумму. И маму. Худые руки. Голосовое: «Может, подождём». Чек из аптеки. Врача, который

сказал, что лучше не тянуть. Свою кухню, холодную и бедную. Зато с гречкой. Чёрную машину в кустах.

Ли́ка взяла ручку.

— Я всё равно ничего сейчас не пойму, — смущенно ответила она. — Если там пункт есть, что я обязана родить вам наследника, кормить акулу или носить только чёрное, я потом буду кричать. Очень громко. Временами, пронзительно.

— Акулы нет.

— Это не ответ.

— Наследника тоже.

— Чёрное?

— По желанию.

— Щедро.

Она подписала. Не глядя. Подпись получилась не как в паспорте. Скорее, как кардиограмма человека, который вступил в фиктивный брак ради безопасности, денег и полного уничтожения здравого смысла. Если он конечно там когда-то был. В человеке.

Марк взял договор, проверил подпись, поставил свою. Его рука не дрожала. Конечно. У Марка Андреевича Белозёрова, наверное, даже пульс бился расписанию.

Он открыл верхний ящик стола и достал связку ключей. Металл тихо звякнул.

— Что это? — спросила Ли́ка, хотя уже догадалась.

— Ключи от моей квартиры.

Она застыла.

— Уже?

— Переезжаете завтра.

— Завтра?

— Да.

— У меня вещи.

— Соберёте необходимое. Остальное перевезут.

— Кто?

— Мои люди.

— Ваши люди будут трогать мои трусы?

Марк моргнул. Первый раз за весь вечер он выглядел не готовым к вопросу.

— Можно поручить Зинаиде Петровне.

— Нельзя поручить Зинаиде Петровне мои трусы!

— Тогда соберёте сами.

Лица поняла, что смеётся. Тихо. Нервно. На грани. Но смеётся. Ситуация была чудовищная, странная, неприличная и настолько марковская, что даже паника на секунду споткнулась о бытовой абсурд.

Марк протянул ключи. Она не сразу взяла.

— Я не ваша вещь, — гордо сказала она.

— Я знаю.

— Не знаете. Такие, как вы, любят думать, что знают всё.

— Я учту.

— И не надо следить за каждым моим шагом.

— Это будет сложно.

— Марк.

Он посмотрел на неё. Без очков. С усталыми голубыми глазами.

— Я постараюсь, — честно ответил он.

Это было не идеальное обещание. Но от Марка, наверное, почти признанием в слабости.

Лика взяла ключи. Они оказались тяжёлыми. Вместе с ними ей передали чужую жизнь. Вот так то. Раз, и под охраной.

Она встала. Документы Марк сложил в папку и отдал ей копию. На обложке не было ничего, кроме её имени. Лика прижала папку к груди, как утром прижимала сумку. Только теперь внутри была не защита, а решение, которое делило всё на «до» и «после».

У двери она остановилась.

— Марк Андреевич.

— Да?

Она не повернулась сразу. Смотрела на чёрную ручку двери.

— Если это ошибка, она будет самой большой в моей жизни.

— Возможно.

— Вы не умеете утешать.

— Зато умею защищать. Вам теперь это нужнее. Можете мне поверить.

Лика закрыла глаза на секунду. Прозвучало как клятва. С Марком всё время было трудно отличить одно от другого.

Она вышла в коридор. Офис был пустой. Последний этаж

спал в полумраке. В стеклянных стенах отражалась она сама. Светлые волосы, усталое лицо, папка с брачным договором в руках, ключи в кармане. Три дня назад она была безработной девушкой, которую Т9 случайно отправил в чужую постель. Теперь она была почти невестой своего начальника. А еще бъектом охраны, участницей операции. И женщиной, которая только что продала часть своей свободы за шанс спасти маму и, может быть, себя.

Стало страшно. Очень.

Но вместе со страхом пришло странное облегчение. Раньше Лика боялась. Артёма, денег, болезни, ночных звонков, шагов за спиной. Теперь ей всё ещё было страшно. Но страх будто получил форму. Имя. Кабинет. Чёрный костюм. Ярко-голубые усталые глаза.

За неё теперь было кому бояться. И, возможно, было кому защитить. Лика дошла до лифта, нажала кнопку и посмотрела на своё отражение в металлических дверях.

— Поздравляю, Соболева, — прошептала она. — Ты вышла замуж быстрее, чем нашла нормальную работу.

Лифт тихо открылся. Перед тем как войти, она оглянулась на кабинет Марка. Дверь была приоткрыта. Внутри горела настольная лампа.

Он сидел за столом, уже снова в чёрных очках. Будто ничего не произошло. Мир не треснул.

Случайный брак был всего лишь ещё одним пунктом в его плане. Лика вошла в лифт, сжала в кармане ключи и вдруг

подумала, что Т9 сейчас был бы доволен.

Он ошибся совсем не много.

А её жизнь уже не подлежала автозамене.

Ну, погоди у меня!

Глава 5

ГЛАВА 5. МЕНЯ ХОТЯТ УБИТЬ

Утро в квартире Марка Андреевича Белозёрова началось с того, что Лика проснулась и не сразу поняла, где находится. Потолок был слишком высокий. Воздух — чистый. Постель — огромной. А тишина вокруг такая дорогая, что в ней было неловко дышать без предварительного разрешения.

Потом она вспомнила.

Фиктивный брак. Брачный договор. Ключи. Переезд. Марк.

И захотела обратно, где обои цвета старого печенья.

Вчера её вещи перевезли «люди Марка». Это словосочетание само по себе звучало так, будто за ним стояли мужчины в чёрном, грузовик без номеров и фраза «ничего не видели, ничего не слышали». На деле приехали двое вежливых парней, которые аккуратно упаковали её коробки, не задали ни одного вопроса. Даже сделали вид, что розовая пижама с маленькими сердечками — нормальная вещь для женщины, вступившей в фиктивный брак по программе защиты объекта.

Лика сама собрала бельё. Принципиально. После обсуждения с Марком и его предложения привлечь Зинаиду Петровну к судьбе её трусов, она решила, что некоторые рубе-

жи личной независимости нужно держать насмерть. Или они (рубежи) или смерть.

Квартира Марка находилась в центре, на верхнем этаже нового дома. Здесь консьерж смотрел так, будто знал сумму твоего налога на имущество. Просторный лофт был оформлен в тёмных тонах. Чёрные стены, металл, стекло, кожа, бетон. Огромные окна в пол. Карты на стенах. Стеллажи с папками. Несколько закрытых шкафов, к которым Лика решила не подходить даже в случае пожара. На одной стене висело оружие. Красиво. Ровно. С пугающей декоративностью. Как будто обычные люди вешают постеры. А Марк — напоминание о том, что спорить с ним лучше письменно и через адвоката.

В её комнате было светлее. Марк сказал, что это «зона адаптации». Там стояла новая кровать, шкаф, письменный стол, лампа. И, что потрясло Лику почти до слёз, маленький розовый плед. Не яркий. Пыльно-розовый. Тот самый оттенок, который не орал с утра. Она ничего не сказала. Только коснулась пледа пальцами и почувствовала, как внутри души дрогнуло что-то очень глупое и женское. Видимо, даже у её недоверия были слабые места. Например, текстиль. И плееедик!

Правда, радость длилась ровно до того момента, как она нашла под столом тревожную кнопку.

Розовую.

— В тон интерьеру, — объяснил Марк, когда она вышла

с кнопкой в руке.

— В тон моей панике, — жестко парировала Лика. И свела брови.

— Паника должна быть эргономичной.

Так они и начали совместную жизнь. Фиктивную. С тревожной кнопкой.

Утром Лика долго не решалась выйти из комнаты. Вчера они сразу разошлись. Марк показал ей кухню, ванную, дверь своей спальни, дверь кабинета и сказал, что без стука туда входить нельзя. Лика пообещала не входить никуда без стука, включая реальность. Потом закрылась у себя, переделась в розовую пижаму, села на кровать и минут двадцать смотрела на чемодан. Распаковывать вещи в квартире почти-мужа было психологически сложно. Чемодан тоже смотрел на неё. Осуждающе. И мерзко хихикал. Или Лике так казалось. От стресса.

Сейчас она стояла у двери своей комнаты и подслушивала.

В квартире было тихо. Не бедно тихо, как в её старой кухне. Где скрипел шкаф и соседи сверху тренировали мебель. А богато тихо. Когда техника не шумит, трубы не стонут, окна не пропускают ветер, а тишина просто лежит вокруг, как дорогой ковёр. Наслаждайтесь! Лике в такой тишине было неуютно. Она привыкла к звукам, которые подтверждали. Мир есть, пусть и не очень качественный. Но понятный и свой.

Она осторожно вышла.

Пол был тёплый. Это возмутило её сильнее всего. У людей, оказывается, бывает тёплый пол. Просто так. Не после того, как ты три раза прыгнула на месте и обняла батарею.

На кухне уже сидел Марк. В чёрном халате. И чёрных очках. Маньяк!

Ли́ка остановилась на пороге.

Она видела в жизни разное. Бывшего, который называл ревность любовью. Начальницу, которая разговаривала с кактусом ласковее, чем с сотрудниками. Курьера, однажды доставившего ей чужой торт с надписью: «Прости, Леночка». Хотя Ли́ка была Леночкой очень относительно, и точно прощать никого не собиралась. Но мужчина в чёрном халате, чёрных очках, за чёрным столом, с чашкой чёрного кофе в руке — это было уже не быт. Это был жесткий нуар, которому выдали ипотеку.

Марк поднял голову.

— Доброе утро.

— Доброе, — поджала губки Ли́ка. — Хотя ваша кухня со мной не согласна.

— Что не так с кухней?

Она огляделась. Столешница из тёмного камня. Стулья из металла и кожи. Встроенная техника. Ровные линии. Ни одной кружки с котиком. Ни одного магнита на холодильнике. Ни одного случайного пакета с пакетами, без которого нормальная кухня не имела права называться кухней.

— Она выглядит как место, где завтракают убийцы. Правда с безупречным вкусом.

— Убийцы обычно завтракают не здесь.

— У вас есть статистика?

— Есть.

Ли́ка молчала.

— Я не буду уточнять.

— Правильно.

Она подошла к столу и заметила, что для неё уже приготовлен завтрак. Тарелка с омлетом, тосты, фрукты, чай. Всё стояло аккуратно, красиво, будто еду собирали по чертежу. На огромной, черной, гладкой тарелке. Рядом лежала салфетка. Белая. Идеально сложенная. Ли́ка посмотрела на это богатство и почувствовала себя человеком, которому случайно выдали завтрак бизнес-класса. А она пришла в пижаме с сердечками. Подлец какой! Мог и предупредить!

Кстати, о пижаме.

Марк посмотрел на неё. Точнее, в её сторону. Через очки было невозможно понять, куда именно. Но Ли́ка всё равно почувствовала, как краснеет.

— Что? — недовольно спросила она.

— Ничего.

— Вы смотрите.

— Я фиксирую изменение обстановки.

— Это называется «женщина в розовой пижаме вышла на кухню».

— Зафиксировано.

— Можете не записывать.

Он не записывал. Что уже было прогрессом.

Лица села напротив. Пижама в этом интерьере выглядела как мятеж. Маленький розовый протест против чёрных стен, оружия, карт. И человека, который даже дома пил кофе так, будто добывал из него секретную информацию. Бедное кофе!

Она взяла вилку, но не сразу начала есть.

— Марк Андреевич.

— Да?

— Мы теперь как бы живём вместе.

— Формально — да.

— И вроде как даже женаты. Почти.

— Процедура регистрации назначена.

— Не напоминайте. У меня нервная система ещё не допила чай.

Он кивнул, будто это была медицинская информация.

— Так вот, — продолжила Лица, — можно личный вопрос?

— Можно.

— Вы хотя бы дома очки снимаете?

Марк замер.

Очень слегка. Почти незаметно. Но Лица уже начинала понимать его неподвижность. У него были разные виды молчания. Рабочее. Опасное. Задумчивое. И вот это — когда

вопрос попал туда, где стояла табличка «посторонним вход воспрещён».

— Нет, — решительно сказал он.

— Почему?

— Так удобнее.

— Кому?

— Всем.

— Мне неудобно. Я разговариваю с отражением в стёклах. Сейчас вот вижу там себя, омлет и женщину, которая явно не знает, как оказалась в браке.

— Эта женщина подписала договор.

— Эта женщина была в состоянии финансового шока.

— Финансовый шок не отменяет подписи.

— Вы ужасный человек. А еще—фиктивный муж!

— Да.

Лица вздохнула.

— Я просто пытаюсь понять. Мы живём под одной крышей. Вы не обязаны передо мной быть шпионом двадцать четыре часа в сутки. Если только это—не ролевые игры. Но они же не ролевые?

Марк молча поставил чашку на стол. Потом поднял руку, достал из кармана халата вторые чёрные очки и надел их поверх первых.

Лица застыла с вилкой в руке.

— Вы сейчас серьёзно?

— Да.

— Я спросила, не снимете ли вы очки, а вы надели ещё одни.

— Это закрывает тему.

— Это открывает новую. О вашей психике.

— Я здоров.

— Кто вам это сказал?

— Врач.

— Он видел двойные очки?

— Нет.

— Значит, диагноз неполный.

Марк взял чашку и сделал глоток кофе. Через два слоя чёрных стёкол он выглядел уже не просто загадочно, а как человек, который решил засекретить собственное лицо. Даже от мебели. Лика смотрела на него и не знала, смеяться или запрашивать эвакуацию. Кароче. Давайте сюда боевые вертолеты.

— Вы понимаете, что это странно? — продолжила она.

— Да.

— И вас устраивает?

— Да.

— Прекрасно. Тогда я тоже имею право на странности.

— Перечислите.

— Я ем печенье в кровати, разговариваю с чайником, боюсь пылесоса и иногда называю телефон предателем.

— Телефон действительно предатель.

Лика не ожидала согласия и даже растерялась.

На столе рядом с его чашкой лежал его телефон. Чёрный, конечно. Видимо, в квартире Марка даже техника проходила собеседование по цветовой гамме. Ликин телефон лежал возле её тарелки. Она включила его только утром и пока не получила ничего катастрофического. Это настораживало. Т9 обычно не спал так долго без причины. Он был вулканом. Тишина означала накопление давления.

Завтрак проходил странно. Лика ела омлет. Стараясь не думать, что вкуснее всего, что она готовила за последний месяц. Марк пил кофе. Иногда его телефон вибрировал, и он отвечал короткими сообщениями. Хотя сидел прямо напротив живого человека, с которым тоже можно было бы поговорить. Но, возможно, у Марка разговор лицом к лицу считался устаревшим видом связи с повышенным риском утечки эмоций.

Она уже доедала тост, когда её телефон завибрировал.

Сообщение от Марка. Лика подняла глаза. Марк сидел напротив. С чашкой. В халате. В двойных очках.

— Вы издеваетесь? — спросила она, качая головой.

— Нет.

— Вы сидите в метре от меня.

— В одном метре двадцати семи сантиметрах.

— Тем более. Зачем вы пишете?

— Так точнее.

— Точнее, чем говорить?

— Да.

Лика посмотрела на экран. Сообщение было коротким. «Я хочу, чтобы мы были вместе. Ты — моя сотрудница, я — твой начальник».

Лика перестала жевать. Тост превратился во рту в сухой картон. Она перечитала. Потом ещё раз.

Медленно подняла глаза на Марка. Он пил кофе так спокойно, будто только что не отправлял ей фразу. От которой фиктивный брак резко заскрипел под весом двусмысленности.

— Марк Андреевич, — спросила она осторожно. — Что это?

— Сообщение.

— Я заметила. Смысл какой?

— Организационный.

— Организационный?

— Да.

Она повернула телефон экраном к нему.

— «Я хочу, чтобы мы были вместе». Это у вас организационное?

Марк посмотрел на экран. Потом на свой телефон. Потом обратно. Даже двойные очки не смогли скрыть паузу.

— Я писал: «Я хочу, чтобы мы были всегда на связи. Ты — моя сотрудница, я — твой начальник».

— А получилось «вместе».

— Автозамена.

Лика медленно отложила тост.

— То есть теперь и ваш телефон вступил в секту?

— Видимо.

— Отлично. У нас смешанный брак. Я, вы и два психически нестабильных устройства.

Марк взял свой телефон, внимательно посмотрел на сообщение и слегка нахмурился. Хмурился он тоже контролируемо. Чуть-чуть. Без лишней мимики. Как человек, который даже лицевые мышцы подписал на дисциплинарный устав.

— Исправление некорректное, — уведомил он.

— Да неужели.

— Контекст искажён.

— Марк Андреевич, когда мужчина в чёрном халате пишет женщине в розовой пижаме: «Я хочу, чтобы мы были вместе», контекст уезжает без нас и машет из окна.

— Я уточню.

Он начал печатать. Лика резко подняла руку.

— Нет! Не надо. Пока наши телефоны не пройдут обряд очищения, лучше говорите ртом.

Он отложил телефон.

— Хорошо. Я имел в виду следующее. Для вашей безопасности вы должны сообщать мне о перемещениях, состоянии здоровья, контактах, звонках, сообщениях, эмоциональных перепадах и подозрительных событиях. То есть, обо всем.

Лика моргнула.

— Эмоциональных перепадах?

— Да.

— То есть, если я вдруг захочу плакать из-за вашей мебели, вам тоже докладывать?

— Желательно.

— А если я захочу ударить вас подушкой?

— Сначала предупредите.

— Чтобы вы увернулись?

— Чтобы я понял причину.

Лица смотрела на него и чувствовала, как раздражение смешивается с чем-то совсем другим. Он был невозможный. Невыносимый. Контролирующим все до последнего винтика. Но при этом в его нелепом списке — перемещения, здоровье, контакты, эмоции — было то, от чего внутри становилось опасно тепло. Не потому что он имел право всё это знать. Не имел. Кто-то хотел успеть. Пока не началось.

Успеть защитить.

Доверие начиналось не с громких признаний. А с с омлета на завтрак, розового пледа, тревожной розовой кнопки. Человека, который надевал вторые очки, лишь бы не показывать глаза.

Лица опустила взгляд в тарелку. Сердце билось неровно, но приятно.

Фраза: «Я хочу, чтобы мы были вместе», -- всё ещё светила на экране. Неправильная. Случайная. Автозаменённая. Но почему-то она задевала глубже, чем должна была.

Она не хотела быть вместе. Ни с кем. Особенно с мужчиной. Вместе — это опасно. Сначала тебе говорят, что без те-

бя не могут. Потом решают, что ты без них не можешь. И вот ты уже стоишь у двери и не знаешь, имеешь ли право выйти. Вот тебе и вместе. Приехали.

В памяти всплыл голос Артёма. Очень положительный и даже тихий голос:

«Тебя нельзя любить, Лика. Ты никчёмная. Тебя можно только терпеть. И то не каждый сможет».

Она тогда плакала в ванной. Включила воду, чтобы он не слышал. Смотрела на себя в зеркало и пыталась понять, что в ней настолько неправильное. Почему её нельзя любить нормально. Без крика и унижения. Без того, чтобы любовь каждый раз приходила с ремнём, ледяным молчанием или фразой «сама виновата».

Прошло три года. Целых три года.

А слова всё ещё жили внутри. Как заноза. Которую не видно, но больно каждый раз, когда кто-то касается.

Марк сидел напротив. В двойных очках. С чашкой чёрного кофе. С тревожной кнопкой где-то в системе его невозможной заботы. Он не говорил «любовь». Он говорил «безопасность», «контроль», «перемещения», «объект». Но Лика всё равно испугалась. Потому что за всем этим могла однажды появиться близость. Не сейчас. Не сегодня. Может, никогда. Но сама возможность была. И становилось очень страшно.

Она взяла телефон.

Нужно было ответить. Что-то простое. Чёткое. Поставить

границу. Пока он не решил, что «вместе» — это допустимое слово в их фиктивном браке.

Она начала печатать:

«Меня нельзя любить».

Пальцы дрожали. Она ненавидела эту фразу. Когда-то поверила в неё. Повторяла её, как заклинание. Но лучше, чем потом объяснять, почему она вздрагивает от случайного прикосновения и не умеет принимать заботу. Так, лучше.

На экране появилось:

«Меня нельзя убить».

Лица нахмурилась.

— Нет, — сказала она телефону. — Нет. Не начинай.

Она попыталась стереть слово, но в этот момент Марк поставил чашку на блюдце. Звук был тихим, но в кухне прозвучал неожиданно резко. Лица вздрогнула. Палец соскользнул.

Сообщение ушло.

«Меня нельзя убить».

Она замерла.

Телефон замер.

Мир замер.

Даже Марк, кажется, перестал дышать.

Лица медленно подняла глаза. Марк смотрел на свой телефон. Две пары чёрных очков скрывали его лицо почти полностью. Но она всё равно увидела, как изменилось его тело. Исчезла бытовая неподвижность. Вместо неё появилась рабочая. Опасная. Та самая, которая включалась у него, когда

слово «угроза» переставало быть теорией.

Он медленно поставил чашку на стол.

Очень аккуратно.

Слишком.

— Анжелика Владимировна, — произнес он тихо.

— Это не то, что вы подумали.

— Что именно?

— Не знаю. Но, судя по вашей чашке, что-то страшное.

Он поднял голову.

Даже сквозь двойные очки Лика почувствовала взгляд. Он стал тяжелым. Острым. Тёмным, хотя глаза были спрятаны. Если раньше Марк смотрел на неё как на объект охраны, то сейчас — как на тайну. Которая только что случайно оставила отпечатки пальцев на месте преступления.

— Почему же вас нельзя убить? — глухо спросил он.

Лика открыла рот.

— Потому что...

— Кто вы на самом деле? На кого вы работаете?

— Что?

— Кто охотится за вами?

— Марк Андреевич, это Т9!

— Ответ уклончивый.

— Он не уклончивый, правдивый! Я хотела написать «любить». Любить! Понимаете? Не убить. Хотя теперь, честно говоря, хочется кого-нибудь именно убить. В основном, телефон!

Марк не шевельнулся.

— Вы хотели написать: «Меня нельзя любить»?

Лица застыла.

Вот теперь кухня стала по-настоящему тихой.

Она слишком поздно поняла, что объяснение оказалось хуже ошибки. «Меня нельзя убить» --

звучало как шпионская фраза, тайный пароль или признание бессмертной киллерши. «Меня нельзя любить» -- звучало как открытая рана. И Марк, разумеется, услышал именно её. Не Т9. Или смешную нелепость. А то, что она пыталась спрятать под автозаменой.

Лица отвела взгляд.

— Это неважно.

— Важно.

— Нет.

— Да.

— Вы не обязаны всё расследовать.

— Обязан.

— Почему?

— Потому что вы моя жена. Теперь.

Слово ударило резко. Лица подняла на него глаза.

— Фиктивная.

— Юридически — нет.

— По договору — да.

— Для угроз разницы нет.

— Для меня есть.

Марк замолчал. Впервые за утро его контроль дал трещину. Внешне он всё ещё сидел ровно, в чёрном халате и невозможных двойных очках. Как человек, который мог провести совещание даже во время апокалипсиса. Но Лика уже видела его без очков. Знала, что под ними есть усталые голубые глаза. И сейчас почему-то думала именно о них.

Он снял верхнюю пару очков.

Осталась нижняя.

— Кто сказал вам, что вас нельзя любить? — измученным голосом спросил он.

Тихо.

Без блокнота и приказа. Без марковского, так надо.

Лика почувствовала, как внутри поднимается паника. Не та, что от камер и жучков. Другая. Глубже. Болезненная. Когда кто-то подходит слишком близко к месту, где всё ещё живёт прошлое. Достаточно темное, прошлое.

— Никто, — она опустила глаза.

— Ложь.

— Марк...

— Вранье, — повторил он.

Она резко встала. Стул отъехал назад и ударился о ножку стола. Лика сама вздрогнула от звука, но не села.

— Не надо. Пожалуйста. Не сейчас. Не за завтраком. Не в вашей чёрной кухне, где даже омлет выглядит как участник операции. Я не хочу об этом говорить.

Он тоже встал. Но из-за роста и чёрного халата кухня сра-

зу стала меньше. Лика машинально сделала шаг назад. Марк заметил. И остановился.

Между ними осталось расстояние. Безопасное. Достаточное.

— Хорошо, — быстро согласился он.

Лика сжала телефон в руке.

— Вы правда думаете, что я какая-то... не знаю... бессмертная шпионка?

— Я думаю, что вы скрываете информацию.

— Я скрываю желание спокойно доесть.

— Фраза, как «меня нельзя убить», не возникает случайно.

— В моём телефоне случайно возникает всё. Однажды он исправил «доброе утро» на «добей утку». Что, мне теперь подозревать себя в охоте на водоплавающих?

Марк молчал.

— И потом, — продолжила Лика, уже почти с отчаянием, — если бы меня правда нельзя было убить, разве я жила бы так? У меня бы была вилла, золотая карта и отдельная комната для людей, которые задают слишком много вопросов.

— Бессмертие не гарантирует финансовой грамотности.

Лика на секунду сбилась.

— Это была шутка?

— Нет.

— Жаль. Неплохо.

Он прошёл к столу, взял свой телефон и начал что-то ис-

кать. Быстро. Сосредоточенно. Опасно.

— Что вы делаете?

— Проверяю старые дела.

— Какие дела?

— О женщинах, которые выживали после покушений и меняли документы.

Лица закрыла глаза.

— Господи.

— Не исключаю программу защиты свидетелей.

— Я не свидетель. Я максимум свидетель того, как Т9 уни-чтожает чужие судьбы.

— Также возможна амнезия.

— У меня нет амнезии.

— Вы уверены?

— Я помню, как вчера ударилась бедром о ваш дизайнер-ский табурет. К сожалению, память работает.

— Хорошо. Амнезию пока отложим.

— Пока?!

Марк уже шёл к выходу из кухни.

— Не отвечайте на вопросы, — приказал он.

— Какие вопросы?

— Любые.

— От кого?

— От всех.

— Марк Андреевич!

Он остановился, но не повернулся.

— Теперь это дело моей жизни.

Ли́ка уставилась на его спину.

— Что именно?

— Вы.

Она не нашлась с ответом.

Он вышел из кухни. Через минуту из коридора донёсся звук открывающегося шкафа. Потом — мягкий шелест ткани. Ли́ка, всё ещё держа телефон, выглянула.

Марк стоял у входа. Уже не в халате. В чёрном костюме. В чёрном плаще. В чёрной шляпе.

И снова в очках. Одних. Видимо, для улицы хватало базовой паранойи.

Он выглядел так, будто его только что вызвали на международную спецоперацию. На самом деле его вызвало сообщение: «Меня нельзя убить». Отправленное женщиной в розовой пижаме из-за автозамены за завтраком. Но для Марка, кажется, разницы не было.

— Куда вы? — безнадежно спросила Ли́ка.

— Выяснять.

— Что?

— Всё.

— Вы не можете просто уйти выяснять всё!

— Могу.

— А я?

— Оставайтесь в квартире. Дверь никому не открывать. Окна не открывать. На балкон не выходить. Телефон дер-

жать при себе. Тревожная кнопка в вашей комнате, вторая под столом, третья в ванной.

— В ванной?!

— Водостойкая.

— Марк!

Он наконец повернулся.

На секунду между ними повисла странная тишина. Он в чёрном плаще. Она босиком, в розовой пижаме с сердечками, с телефоном в руке. С лицом человека, которого жизнь насильно записала в шпионский фильм без актёрского образования.

— Я не бессмертная, — пропищала она. — Я просто неудачно печатаю.

— Это мы тоже проверим.

— Что именно? Мою печать?

— Вашу неуязвимость.

Лица почувствовала, что ещё немного — и у неё начнётся истерика. Хорошо воспитанная. В розовой пижаме. С оmlетом в качестве свидетеля.

— Только попробуйте проверить её практически.

— Не планировал.

— У вас лицо человека, у которого планы сами появляются.

— У меня всё под контролем.

— Вот это как раз пугает больше всего.

Он помолчал.

— Заприте дверь за мной.

— С удовольствием. На все замки. И на здравый смысл.

Черт! Его у меня нет!

Марк вышел.

Дверь за ним хлопнула. Не громко. Но достаточно, чтобы Лика подпрыгнула.

Она постояла несколько секунд, слушая, как в коридоре затихают его шаги. Потом подошла к двери, закрыла замок. Второй. Третий. Посмотрела на панель сигнализации, которую вчера ей объясняли полчаса. Она запомнила только кнопку «не нажимать, если не хотите, чтобы приехали все». На всякий случай не нажала.

Вернулась на кухню.

Омлет остыл. Кофе Марка остался недопитым. На столе лежали две пары очков. Нет, одна пара, вторую он забрал. Телефон Лики лежал рядом с тарелкой, экраном вверх. На экране всё ещё светила фраза.

«Меня нельзя убить».

Лика села на стул и закрыла лицо руками.

Она хотела сказать «нельзя любить». Хотела поставить границу. Защитить себя от того, что могло однажды стать болью. А получилось — запустила в голове Марка операцию, масштаб которой теперь, вероятно, включал архивы, наружное наблюдение, людей Кирилла, базы данных. И возможно, покупку серебряных пуль. На всякий случай. Вдруг она не просто бессмертная, а тематическая.

Телефон мигнул. Лика медленно посмотрела на него. Сообщений не было. Просто мигнул. Как будто подмигнул.

— Т9, — тихо прошипела она. — Я тебя убью. На смерть. Пауза.

Она посмотрела на дверь, за которой исчез Марк. Потом на чёрные стены. На оружие, карты. На розовую тревожную кнопку, лежавшую на краю стола. Она зачем-то принесла её с собой из комнаты. Пижаму с сердечками, которая в этом лофте выглядела как секретный агент из детского сада.

— Если меня раньше не убьют, из-за тебя, — добавила Лика и поморщилась. Так себе перспективочка.

За окном город жил обычной жизнью. Машины носились по улицам. Люди спешили по делам. Никто не знал, что на верхнем этаже тёмного лофта сидела женщина, которая случайно стала фиктивной женой своего начальника. Объектом охраны, возможной бессмертной шпионкой и жертвой автозамены.

Лика взяла остывший тост и откусила. Жевала медленно. Потом посмотрела на телефон ещё раз.

— Ну что, агент Т9, — проскрипела она с набитым ртом. — Поздравляю. Кажется, ты официально начал войну. Телефон хитро помалкивал.

Лика почему-то была совершенно уверена. Он был абсолютно доволен.